

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

ГОЛОДНОЕ
СЕРДЦЕ

Ольга Вадимовна Гусейнова
Голодное сердце
Серия «Любовь внеземная (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11873720
Голодное сердце / Ольга Гусейнова: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-098694-1

Аннотация

Когда хочется любви... Когда ты измучен одиночеством...
Когда ради встречи с любимым можно отдать что угодно...
Готовься к встрече, которая изменит твою судьбу! Не испугавшись расстояний и преград, пролетев через всю вселенную, он ворвется в твою жизнь и наполнит ее страстью и нежностью!..

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	49
Глава 4	69
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ольга Гусейнова

Голодное сердце

© О. Гусейнова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*** * ***

Часть первая

Связующая энергия

Глава 1

Чернота за бортом, мерцающие сигналы на приборной панели и тихий утробный звук работающих двигателей нашего корабля навевали дремоту и уговаривали еще сильнее расслабиться в удобном кресле пилота. Я любила ночные дежурства, если их можно назвать таковыми в необозримом космическом пространстве, где день от ночи отличался лишь более ярким освещением да шумом в коридорах или служебных отсеках пассажирских кораблей.

Три месяца назад, когда я получила назначение, не могла поверить своему счастью. Конечно, я не единственная девушка, которая занимается пилотированием межгалактических кораблей, зато я первая девушка-пилот на военном судне. И хотя наш рассчитан всего на пятнадцать членов экипажа и занимается только охраной и сопровождением, я считала себя необыкновенным везунчиком.

Когда я заканчивала школу, у меня было не так много вариантов, куда идти учиться дальше. В то время я жила со своей тетей – она старше меня всего на шесть лет, но это

не помешало ей оформить опеку над осиротевшей четырнадцатилетней девчонкой после смерти моих родителей в авткатастрофе. Анита работала менеджером в мелкой строительной компании, и денег у нас особо не водилось. Поэтому я, посоветовавшись со своей тетей и по совместительству – единственной подругой, очень быстро, чтобы не передумать, подписала контракт с военным ведомством – и таким образом попала в Космическую летную академию.

Четыре года обучения и год стажировки на различных кораблях дали неоценимый жизненный опыт и отличную практику. И если в самом начале, на первом курсе, я не знала, как пережить следующие пять лет, то со временем привыкла даже к холоду окружающего меня тестостерона.

Традиционно все нормальные родословные ведутся от одного отца семейства к другому, но в нашей семье она велась по женской линии – от одной неудачницы к другой. И была эта линия чрезвычайно длинной и очень печальной, прежде всего для меня и для Аниты, а теперь еще и для ее двухлетней дочери Сабрины. Хотя в этот список нужно внести еще и Женевьеву – двоюродную сестру моего покойного отца и тети Аниты.

Женевьева пыталась вырваться из оков проклятия. Даже смогла завести пару романов. Правда, после второго – особенно бурного – две недели провалялась в больнице с сильнейшим общим упадком сил, истощением и жуткой депрессией, которая не прошла и поныне.

Женщины у нас в семье все как на подбор – с рыжими волосами! И не просто с рыжими, а насыщенного темно-красного цвета. Всем остальным мы, конечно, различаемся, но не волосами. В общем, в нашем родстве ошибиться невозможно. По крайней мере, семейное проклятие не ошиблось ни разу, не пропустив ни одну из женщин. До сих пор удивляюсь: каким образом наш род умудрился не вымереть? Но я, судя по всему, выиграла главный приз неудачника.

Я чувствую энергию, могу даже управлять ею в пределах приборов. Так и сейчас, находясь на мостике и лениво думая о своем, я чувствую наш корабль. Ощущаю энергию, бегущую по кабелям, словно кровь по сосудам. Я всегда могу точно сказать, где неполадка, лишь прикоснувшись к панели управления и прислушавшись к жалобам живого корабля. Мы с ним быстро сдружились, за что меня уважают и ценят.

Вместе со мной здесь служат еще десять человек, и все они – мужчины с повышенным уровнем тестостерона. И хотя у нас явный некомплект, набирать новых членов экипажа никто не торопится. Тем более что я справляюсь с работой еще и двух положенных по штату техников. Капитан, не скупясь, платит мне двойную ставку, а лишние деньги сейчас весьма кстати – Анита пока не может много работать, все ее внимание принадлежит дочери Сабрине. Так что я не жалуюсь, а начальство – тем более.

Когда после окончания стажировки меня пригласили на собеседование, я не очень-то рассчитывала на эту долж-

ность. Каждый раз, когда я приходила на новый корабль для прохождения практики, происходило одно и то же. Сначала за мной начинали ухаживать, а потом и помогать сослуживцы или руководители, и каждый раз их поползновения заканчивалось плачевно, причем для меня.

Причина этому редкая и неизлечимая: я абсолютно не выношу прикосновений мужчин – прикосновений к телу, точнее к обнаженной коже, – а иногда и женщин, если у них количество мужских гормонов выше нормы. Хотя, честно говоря, обычных женщин я тоже не слишком хорошо переношу. Любой мужчина вызывает во мне волну холода, будто высасывает все жизненные соки. Это настолько неприятные ощущения, что пересилить себя и завести хоть какие-нибудь мало-мальски интимные отношения в моем случае не представляется возможным.

Я смогла дойти только до пары поцелуев, в потом меня рвало и шатало несколько дней, как после перепоя. После проведенного эксперимента я осознала наконец, что же меня ожидает в дальнейшем. В лучшем случае – непорочное зачатие от какого-нибудь неизвестного донора, в худшем – унылая, серая жизнь злой старой девы. Поэтому нынешняя служба с ее каждодневным риском и нелегким графиком лично меня устраивает полностью.

Сидя в приемной и ожидая вызова на собеседование, я не особенно рассчитывала на такую удачу – и ничего не ждала. Везде, где я практиковалась, обо мне отзывались как о хоро-

шем пилоте и супертехнике. Но неприятные случаи, связанные с личным отношением к мужскому полу, уже породили слухи.

Еще во время учебы я не раз сталкивалась с подобными ситуациями, но мои сокурсники, быстро выяснив причину, стали относиться ко мне как к другу и товарищу, а теперь, распределившись по разным местам, не имели возможности в нужный момент подстраховать. Поэтому после третьего корабля многие уже знали о моей полной непереносимости мужчин и слабом желудке, от содержимого которого пострадал не один потенциальный ухажер.

Но, как ни странно, именно из-за неспособности заводить романы на рабочем месте, да и вообще заводить, а соответственно – разлагать мужской коллектив, я и получила эту работу. За неимением более достойной кандидатуры меня утвердили на должность второго пилота на военном межзвезднике третьего класса, предназначенном для сопровождения и охраны транспортных судов.

Последние полтора года колонии Человеческого союза часто подвергались нападениям странных существ, питавшихся энергией, которую вырабатывают живые организмы разных видов. Но, видимо, в связи с тем, что они являются гуманоидами, как и мы, энергия людей им подходит больше. В общем, едва эти существа выяснили, насколько люди – аппетитный деликатес, спрос на нас вырос до неприличных размеров.

Сначала этому не придавалось большого значения, и о многих нападениях правительство даже не сообщало. Но всего через полгода после первого столкновения до колоний начал доходить в лучшем случае только один из трех кораблей, и власти забили тревогу. Началась всеобщая мобилизация.

К настоящему времени человечество выросло до двадцати восьми миллиардов и открыло шесть необитаемых, но пригодных для жизни планет в ближайших от солнечной звездных системах. Причем последнюю планету – Фабиус – открыли всего два года назад и сейчас активно ее заселяют. Так что последние полгода пассажирские суда регулярно бороздят космические просторы, перевозя переселенцев на Фабиус.

Небольшая планета, богатая природными ресурсами и довольно сильно схожая с Землей, привлекает все большее количество людей, тем самым соединяя уже заселенные планеты космическими трассами, по которым непрерывно следуют корабли. И вот именно на этих оживленных трассах и действуют эти уроды, получившие повсеместное название «джаны». На общем межрасовом торговом языке это звучит как «джа-аны» или «высасывающие жизнь». Но люди переименовали для удобства.

На сегодняшний день человечество столкнулось с четырьмя расами, отличающимися от нас как физически, так и духовно. Но мы бороздим просторы Вселенной всего лет две-

сти или триста, поэтому знакомства с другими заводим весьма неохотно и крайне осторожно. Правительство Человеческого союза ведет политику невмешательства по принципу тише едешь – дальше будешь, авось и не заденут. Надо отдать им должное, до сих пор этот принцип срабатывал и давал шанс закрепиться основательнее и больше узнать о других.

Три первые расы, с которыми мы столкнулись, тоже занимают подобную позицию, поэтому с включением нас в их Торговый союз проблем не возникло. И благодаря им мы узнали о существовании множества других рас. Жаль, не всегда таких же миролюбивых, как мы.

Война с джа-анами нанесла людям первый ощутимый урон и заставила забыть о спокойствии. Союз закрыл границы, торговля теперь ведется только с Фабиуса, вокруг которого стоит мощный кордон. Увеличилось число военных кораблей, и теперь любое гражданское судно сопровождают военные. Отныне все контакты с другими расами осуществляются лишь через специальные структуры после множества проверок и перепроверок, чтобы избежать утечки информации.

Человечество все больше напоминает ежа, свернувшегося клубком в ожидании нападения. Патриотические лозунги, военная мобилизация и еще много всего, имевшего место на планете Земля в прошлом, – моей семье эти изменения не слишком касались, пока на военную службу привлекалось мужское население. А у нас мужчины рождались раз в сто-

летие, и последний из них скончался семь лет назад вместе с женой.

Мои мама и папа познакомились на каком-то научном симпозиуме, где они оба выступали с докладами. И так получилось – наверное, проклятие постаралось, – что сначала совпали их темы, а потом – и сердца. Да, так бывает!

Папа астрофизик и мама биофизик, оба после моего рождения настойчиво пытались найти решение проблемы наследственности. Единственное, что им удалось выяснить после нескольких лет исследований: Анита, Женевьева, я, а теперь еще и Сабрина – все мы являемся идеальными энергетическими донорами, но, к сожалению, имеем открытый, то есть незамкнутый цикл энергетической системы. Чтобы замкнуть ее, нужна «заплатка», а как ее найти – выяснить они не успели. Узнать, почему «заболевание» передается только по женской линии, им тоже не удалось.

Только с папой было тепло и уютно, и рядом с ним мы, рыжие женщины с фамилией Полянские, чувствовали себя в безопасности. Я поняла это лишь после того, как его не стало. Тогда для меня наступили холода как в прямом, так и в переносном смысле. И не только для меня, если судить по родственницам – подругам по несчастью.

Мои родители оказались правы: мы идеальные доноры. Нас любили все, кто с нами общался, отмечая, что наше присутствие дает заряд бодрости и энергии. Особенно мужчины! Многие из моих коллег после длительного знакомства

начинали с сожалением поглядывать на меня. Можно подумать, мне нужна их жалость.

В первый раз на борту этого корабля меня поприветствовали восторженным улюлюканьем. Затем, когда у экипажа, эмоционально отметившего мое назначение, наконец вернулись на место челюсти, пришлось сразу расставить все точки над «и», чтобы горящими глазами не разглядывали. Такие взгляды я встречала не раз и уже привыкла к ним. Более того, они вызывали глухое раздражение, тоску и страх: опять мне могут причинить боль попыткой сблизиться.

В свое время папа водил меня на курсы само-обороны, резонно полагая, что мне это пригодится в повседневной жизни. Но не тогда, когда на тебя смотрят десять здоровенных крепких мужиков, явно одичавших без женского внимания. А мой метр с кепкой и бараний вес вряд ли бы меня защитили. Поэтому пришлось сразу раскрыть печальный секрет.

Сослуживцы озадачились и навели обо мне справки по своим каналам. После чего отношение ко мне изменилось кардинально. Я стала для них младшей сестренкой-инвалидом. Иногда это положение чрезвычайно бесило, особенно в первое время, когда меня очень осторожно обходили, пытаюсь не задеть, что в коридоре метр шириной надо еще постараться сделать. Хотя смотреть, как наш навигатор двух метров в высоту и ширину «размазывается» по стенке, пытаюсь протиснуться мимо в тонкой кишке коридора и притом случайно не задеть меня, оказалось весело.

Со временем ко мне привыкли, и я стала полноценным, а главное – незаменимым членом экипажа корабля. Я их даже полюбила по-своему. Хотя в душе всегда тлел уголек горечи. Я мечтала, очень мечтала о любви, нежности, мужской заботе и, чего греха таить, о сексе! Я так много прочитала о любви, всю свою тоску заливая книжными романами. Ведь я же нормальная двадцатитрехлетняя женщина, и гормоны у меня бушуют, как у всех. К сожалению, оставалась только надежда на чудо: когда-нибудь поцелуем меня разбудит принц, и я попаду в сказку под названием «Любовь»!

– Ты что, заснула, Полянская?

Вздрогнув от неожиданности, я оглянулась, чтобы посмотреть на заговорившего позади меня капитана Вишнякова.

– Нет, кэп, просто задумалась! Как думаете, проскочим?

Потерев выступившую за несколько часов щетину, он проворчал:

– Ладно, не думай об этом! Ева, постоянно сканируй пространство. Лучше будет, если у нас найдется хоть немного времени подготовиться, особенно сейчас, когда через час на выходе перестанет работать гипердвигок.

Сильно потянувшись, он встал с капитанского кресла и сделал легкую разминку. Я невольно засмотрелась. Рем Вишняков тридцати пяти лет от роду – мужчина в полном смысле этого слова: высокий, хорошо сложенный брюнет с

умными карими глазами и самой обаятельной улыбкой, какую только можно встретить. Расстегнутая на груди форменная рубашка открывала вид на широкую волосатую грудь, и даже на расстоянии двух метров я чувствовала запах его феромонов.

Ну почему я такая ущербная? Я много раз ловила на себе его пристальный горячий взгляд и отвечала ему таким же, но когда он не видел. Да, наш капитан получил в моем лице самую яркую поклонницу. К огромному сожалению, я могла только смотреть, но не трогать руками.

Я нашла прекрасную возможность общаться с экипажем без помех. Во время дежурства и за пределами каюты я постоянно носила военный летный комбинезон, плотно облегающий тело и застегивающийся на липучки от горла до паха, и тонкие синтетические перчатки, которые не мешают подпитываться энергией от приборов корабля для улучшения самочувствия и в то же время защищают от нечаянных прикосновений мужчин.

Со временем я к ним привыкла и с удовольствием пожимала в благодарность руки или прикасалась к их ладоням, если в одиночестве и безмолвии космоса хотелось простого ощущения человеческого тепла. Хотя эти безмолвие и пустота призрачны и обманчивы.

Еще ни разу за шесть месяцев службы я не попадала ни в одну из заварушек, о которых трепались за столом сослуживцы. Моя вторая тетка – Женевьева, когда узнала о но-

вом назначении, сначала долго хохотала, а потом так же долго плакала. И никак не могла поверить, что такая маленькая трусишка, как я, решится на отчаянный шаг – службу на военном корабле во время военных действий.

Она кричала, что меня съедят джа-аны или угробит толпа мужиков во время полета, что на мою рыжую проклятую голову найдется немало неприятностей даже в космосе. Но переубедить меня было уже невозможно – я жаждала таинственных приключений. В конце концов от полного отсутствия романтики в жизни я решила удариться в романтику путешествий. Чем не альтернатива пресному существованию на Земле?

Да и зачем иначе было получать трудное и энергозатратное образование пилота? Не на воздушном же такси работать! Я стала лучшей выпускницей академии, причем, как признавали многие преподаватели, за последние несколько десятков лет.

Через полчаса, проверив бортовые параметры и подготовив корабль для выхода из гиперпространства, я включила систему оповещения экипажа о подготовке к торможению. Следующие двадцать восемь часов будут самыми опасными. Затем кордон из объединенных сил – и только потом свободное безопасное движение до Фабиуса.

Наш корабль с еще тремя подобными выполнял задание по сопровождению огромного транспортного судна «Кон-

корд», которое перевозило колонистов и необходимое на Фабиусе оборудование для стремительного строительства, развернувшегося там после начала освоения планеты. Транспортный корабль везет более пяти тысяч человек, и мне до сих пор не понятно, почему на его охрану послали так мало кораблей?! Скорее всего, по привычке – авось проскочит.

Не проскочили! Как только мы вышли из гиперперехода, увидели жуткую картину разгрома. Для такого бесконечного пространства, как космос, здесь было слишком тесно, можно сказать – не протолкнуться, причем в буквальном смысле.

Автоматически включилась боевая тревога. Я столько раз отработывала подобную ситуацию на тренировках – и только сейчас ощутила, как душу охватывает не игровой боевой азарт, а парализует настоящий ужас от осознания, в какую задницу мы попали. Особенно я!

Пока наш кораблик уворачивался от идущего в лоб корабля джа-анов, чуть не задев его бортовой обшивкой, меня обдало такой волной арктического холода – словами передать невозможно. Я мгновенно замерзла изнутри и снаружи. Мои сослуживцы, оказывается, – просто жерло действующего вулкана по сравнению с инопланетными ледышками.

Члены экипажа заняли места в соответствии с боевым назначением. Я пыталась увести корабль от преследователей, как могла, но было ощущение, что попала в рой диких пчел. Вишняков схватил меня за плечо и прорычал сквозь шум и потрескивание, издаваемое вышедшей из строя после

удачных атак противника проводкой:

– Слушай, Ева, сейчас главное – отвлечь их на себя. Ты поняла меня? Главное – отвлечь их внимание от охраняемого объекта. Там слишком много людей, Полянская, они беззащитны. Ты меня понимаешь?

Я послушно кивнула, продолжая играть в прятки среди обломков, оставшихся от других наших кораблей.

– Что же они делают?! Транспорт же развалиться совсем может! – кричал навигатор Картер, с ужасом наблюдая, как несколько крупных, похожих на жуков-плавунцов кораблей вскрывают «Конкорд» лазером и стыкуются прямо к его бортам.

Когда мы до него добрались, корабль уже напоминал кусок протухшего мяса, облепленный мухами. Мы с трудом отбивались и уже не думали о спасении кого-то еще, пытаюсь вырваться из ловушки, устроенной джа-анами.

С нами играли, словно кошка с мышкой. Сделав последнее усилие, я попыталась увести наш корабль от удара. Не получилось! Корабль содрогнулся от взрыва, меня вытряхнуло из кресла, оторвав страхующие ремни. Наверняка не обошлось без пары сломанных ребер.

Не дав опомниться, меня подхватили под мышки, поставили на ноги и пнули в спину, придав хорошее ускорение. Мельком оглянувшись, я увидела, кто меня так бесцеремонно приводил в себя. Рем вместе с командиром штурмовой группы, подхватив Картера с залитым кровью лицом, тащи-

ли его за мной.

– Быстрее, малышка, двигай к спасательному шлюпу, мы за тобой!

Я бежала, не чуя ног. Грудь горела, воздуха не хватало, а вокруг сыпались искры, а кое-где уже полыхало пламя. По пути к шлюпу я не встретила никого. И в ужасе думала: куда делась остальная команда? А еще – что шлюп нам не поможет. Ведь за бортом джа-аны, и спасательный шлюп для них – просто как банка тушенки. Так сказать, еда на вынос. Но пока мы живы, надежда на спасение жива. А я очень люблю жизнь, хотя она меня и не балует.

Я влетела в шлюп и активировала двигатель. Молниеносно проверив бортовые системы, выскочила в проем и активировала аварийное открывание шлюза – теперь шлюп покинет корабль при нажатии внутренней аварийной кнопки.

Из коридора навстречу выскочил еще один член нашей команды, Жанович – лучший повар во всей галактике. Увидев раненых, ринулся к ним на помощь, и зря, ведь он ничем не мог помочь им в узком коридоре, где они шли в пол-оборота.

Я на всю жизнь запомню тот миг, когда я уже в нетерпении подвывала, стоя в проеме шлюпа, и вдруг – толчок, но я удержалась на ногах, а потом, словно в замедленной съемке, в ужасе наблюдала, как за спинами моих ребят ширится огненный вал. Вишняков увидел это на моем лице и, успев оглянуться, смог осознать, с чем они столкнутся через секунду.

Картер с Жановичем погибли, глядя на спасительный шлюп, и наш добродушный повар в тот момент подмигивал мне, чтобы успокоить. Я не успела даже крикнуть и за несколько секунд потеряла всех, кто стал мне дорог, но успела закрыть люк и упасть на пол.

После очередного удара, от которого содрогнулся шлюп, я рывком добралась до панели управления и запустила аварийную эвакуацию. Спасательное средство двинулось прочь, в открытый космос. Но раздался еще один сильный взрыв, и корабль, успевший стать мне другом, начал разваливаться на части...

Я всегда заплетала свои длинные – до пояса – волосы в тугую блестящую косу, и в это мгновение именно она меня и спасла, потому что силой взрыва шлюп резко отбросило в сторону, а мне чуть не оторвало скальп из-за косы, зацепившейся за сиденье пилота, но благодаря этому не размазало о противоположный борт.

Через некоторое время я смогла освободить волосы, села в кресло и пристегнулась. Вокруг места побоища роились корабли джа-анов. В мозгу билась только одна мысль: «Что делать?»

О том, что все погибли, я решила подумать потом. Спокойствие, главное – спокойствие, как говорил великий Карлсон. Иначе отчаяние и ужас накроют с головой. Я выключила двигатель, оставив только систему жизнеобеспечения, – решила прикинуться трупом, что, собственно, было

недалеко от правды.

Шлюп медленно дрейфовал в невесомости, иногда сталкиваясь с обломками других кораблей, и я сжималась в комочек от страха. Когда прошло несколько томительных часов ожидания разоблачения моей хитрости, сознание, затопленное жалостью к себе и ужасом создавшегося положения, а также воспоминаниями о последних секундах жизни моих ребят, не выдержало и отключилось.

Придя в себя, я не сразу сообразила, где нахожусь, а когда в голове прояснилось, долго не могла заставить себя хотя бы пошевелиться. Но пришлось встать, чтобы проверить свои шансы на выживание. Увы, проверка отделения для хранения стандартного суточного набора пищи и воды показала – пусто. Корить кого-то за недосмотр – сейчас такое же пустое занятие.

И что я имею? Воды нет, еды нет, шлюп служит спасательным кругом, чтобы дождаться помощи большого судна или добраться до ближайшей планеты, о существовании которой в ближайшем квадрате я не знаю, а системе жизнеобеспечения хватит ресурсов дня на два, не больше. Но ведь и это время нужно еще умудриться прожить.

Судя по пустоте на локаторе, меня отбросило далеко от бойни, но без гарантии, что кто-нибудь заинтересуется моим шлюпом. Тело болело нещадно, а когда, расстегнув комбинезон, я рассмотрела грудь, вообще тошно стало. Поперек

нее пролегла синюшная опухшая борозда от страховочного ремня. Не исключено, что и внутренние повреждения заработала.

Сняв бесполезные перчатки, я кинула их на приборную панель, и от резкого движения меня пронзила дикая боль. Опять чуть не отключилась. Собрав себя в кучу, сползла с кресла и, завалившись на пол, скорчилась в позе эмбриона, в надежде хоть немного заглушить боль. Сил не осталось, тем более что не ела я со вчерашнего ужина, а после боя и бегства вся энергия ушла.

Что же теперь со мной будет? Господи, неужели я умру от обезвоживания? Какая жуткая смерть: одна в железной коробке и полной пустоте. Неужели это и есть мое последнее пристанище? Вокруг никого! До Фабиуса не добраться на шлюпе-корыте. После того как узнают о гибели «Конкорда» и кораблей сопровождения, думаю, на какое-то время прекратят полеты, а у меня нет возможности ждать. Да и то обстоятельство, что лишь одна я выжила из всего экипажа, вызовет очень много вопросов, если меня все-таки найдут.

Как это ни страшно звучит, но даже для моей семьи будет лучше, если я умру; по крайней мере, девчонки получат от государства денежную компенсацию за «погибшую при исполнении» родственницу. А если выживу, ох как много проблем и неприятностей нас ждет.

Права была Женевьева, давая прогноз моей дальнейшей судьбы. Я – ловушка для неприятностей! На глаза наверну-

лись слезы, потом они полились нескончаемым потоком. Передо мной по-прежнему стояла картина гибели капитана с ребятами: вот огонь волной накрывает их... Потом картинка сменилась на корабли джа-анов: я мысленно представила, что могло происходить на «Конкорде». Их убивали, выпивали жизнь, а они находились в металлическом гробу, из которого некуда бежать. Мне никогда этого не забыть, но и помнить, судя по всему, придется недолго.

Меня трясло в лихорадке, губы пересохли, очень хотелось пить, да и поесть тоже не помешало бы. Провалившись так долгое время, я снова отключилась.

Очнулась я от того, что меня кто-то аккуратно перевернул на спину, и, открыв глаза, я увидела над собой склонившегося мужчину. Его сильно вытянутое бледное лицо обрамляли каштановые волосы до плеч, добавляя еще больше контраста с кожей.

Тонкие губы двигались, будто бледнолицый разговаривал, но слов я не слышала... Тонкий нос с широкими крыльями и – тут я обомлела – большие карие глаза закрывала прозрачная, но отчетливо видная красная пелена. Подумала было на игру света, но он посмотрел вверх, и я убедилась: красная пленка действительно есть. Мозг прошила мысль: «Это гуманоид, но не человек!»

У меня непроизвольно вырвался стон, гуманоид мгновенно повернулся на звук и прикоснулся к моей руке. Я наконец почувствовала, как же мне холодно, и, одновременно ощу-

тив, как плавится кожа на руке, закричала от невыносимой боли.

Глава 2

Сначала ко мне вернулась способность чувствовать, потом сознание затопили воспоминания о трагедии и о видении гуманоида. Но было ли это видение? Не открывая глаз, потому что страшно – вдруг на самом деле попала в плен, я провела диагностику своего тела. К моему величайшему удивлению, ничего не болело. Я пришла в ужас: неужели со мной что-то сделали? Полежав еще немного, тихонько пошевелила руками и ногами – двигаются свободно, даже легче стало.

Осмелев, открыла глаза, медленно поднесла обожженную руку к лицу и увидела молодую розоватую кожицу. Видимо, тот тип с красноватыми глазами мне не привиделся! Повернув набок голову, я постаралась осмотреть, на чем лежу. Странный овальный пьедестал с краями, плавно перетекающими в куполообразную крышку из красивого, похожего на граненую поверхность бриллианта стекла. Свет, попадавший на одну из граней, преломлялся и под разными углами разбегался по моему телу маленькими разноцветными бликами. Красиво! Мало того, тепло и вполне комфортно лежать здесь и смотреть на это произведение искусства!

Странное дело, сейчас мне тепло и спокойно, особенно после холода, который я ощутила, когда очнулась рядом с тем мужчиной. Еще и необычайная легкость во всем теле.

Невероятные ощущения!

Движение я, скорее, почувствовала, чем увидела, и мою расслабленность как ветром сдуло. Резко повернув голову, уставилась в глаза мужчины, которого если во сне увидишь, умрешь от инфаркта, не просыпаясь. Этот жутковатый некто спокойно сидел в кресле овальной формы с очень высокой спинкой, и контраст черного цвета обивки с его ослепительно-белой кожей и такого же цвета волосами был просто непередаваем. Если бы оттенок волос не напоминал только что выпавший снег, искрящийся под искусственным освещением, то границу между зачесанной назад, стекающей за ушами густой волной волос и кожей было бы сложно увидеть. Сложная коса свисала до самого пола вдоль его гибкого, довольно тонкого тела.

Мужчина был высокий, даже слишком – навскидку не меньше двух метров. С таким же вытянутым узким лицом, как у того, что меня за руку схватил. Но это лицо удивляло ощущением породистости, что создается многими поколениями и впитывается с молоком матери. Но главным, что поразило и одновременно повергло в ступор, были глаза: большие, раскосые и абсолютно красного цвета, даже не красного, а черешневого. Было невозможно понять, что чувствует это существо, которое сидело напротив и наблюдало за мной, не отрываясь.

А я за ним! Причем даже дышать забыла. Белобрысый незнамо кто, конечно, не отвечал человеческим канонам

красоты: и лицо узковато, и глаза красные, и какой-то чересчур длинный, а не высокий, но я вдруг неожиданно для себя ощутила тепло, которое излучало его тело. Неужели мне так хорошо, потому что он рядом?

Я не могла в это поверить. Неужели надо было пролететь половину галактики, чтобы найти единственного мужчину, предназначенного мне, здесь. Причем кого? Красноглазого инопланетянина?

Он сидел, не шелохнувшись, и я решила на эксперимент: раскрыв и направив на мужчину ладонь, попыталась прочувствовать его энергетику. И внезапно задохнулась от удивления, когда навстречу мне полился теплый живительный ручеек энергии. Какой сладенький! Этот вкус не заменит ни один энергоприбор на свете, даже от папы я столько не получала.

Неожиданно беловолосый сменил позу и, наклонившись ко мне, стал разглядывать более пристально, если можно выразиться подобным образом при таких-то глазах. Бр-р-р, какой-то голодный взгляд, или мне кажется? А вдруг эти гуманоиды тоже людей едят?! Я видела снимки нескольких убитых джа-анов – но этот мужчина был совсем на них не похож. Но обожженная рука наглядно свидетельствовала, на что способны эти длинные красноглазые типы, только прикоснувшись ко мне.

Я медленно приподнялась, потом уселась, свесив ноги. Сильно кружилась голова и нестерпимо хотелось пить. Благо

меня не раздели, всего-то комбинезон расстегнули.

В этот момент в поле моего зрения, и слишком близко, появился первый красноглазик. На меня хлынула волна холода и животного ужаса. Не контролируя себя, ногами рефлекторно оттолкнула брюнета и рванула к увиденной ранее двери. Но та автоматически не открылась, и я не нашла ничего лучше, чем забиться в угол, пытаюсь скрыться за какими-то стеллажами и приборами. Да, прятаться таким образом – несусветная глупость, но я действовала инстинктивно.

Сидя на корточках и спрятав голые руки в подмышки, глотая слезы, я исподлобья наблюдала за мужчинами. Брюнет, судя по всему, уже успел прийти в себя и глядел на белобрысого. Тот медленно подошел ближе и, раздвинув стеллажи, присел на корточки метрах в двух напротив меня и успокаивающе заговорил. Размеренный журчащий голос действительно успокаивал, но, к моему огромному сожалению, я не понимала ни слова.

Помолчала, а потом неуверенно прикоснулась к своим губам, затем поднесла к голове руку и покачала головой, пытаюсь дать понять, что ничего не понимаю. Они удивленно переглянулись, затем очень быстро заговорили между собой на совершенно незнакомом певучем языке. Челюсть вывихнуть можно, прежде чем произнесешь хоть слово. Я даже всеобщий выучила еле-еле, хотя дурой никогда не была и на память не жаловалась.

Брюнет развернулся и, нажав на красную консоль, вышел

из каюты, напоминающей медотсек, который я наконец смогла разглядеть более подробно, пока красноглазые переговаривались. Мы с блондином опять начали играть в гляделки, хотя недолго – брюнет минуты через три вернулся обратно и что-то подал белобрысому.

Я обратила внимание, что брюнет был одет в своеобразный легкий кафтан темно-зеленого цвета, без рукавов, приталенный и длиной до колен. Под кафтаном виднелись черная туника с рукавами и черные свободные штаны. На ногах – удобные на вид ботинки на застежках-липучках. А вот на мужчине «моей мечты» был светло-зеленый кафтан почти до пола, с рукавами, и такие же черные штаны. Но самое примечательное – у него на руках оказались темные плотные перчатки. Неужели забота обо мне?

Блондин осторожно протянул мне раскрытую ладонь с какой-то палочкой. Пришлось, медленно протянув руку и чуть подавшись навстречу, взять предложенную мне штучку. Я поразилась: как всего лишь прикосновение к затянутой перчаткой руке может доставить столько удовольствия.

Мужчина вздрогнул, когда я прикоснулась к нему. Может, тоже чувствует нечто схожее? Возможно, будущее не столь пессимистично?

Он нажал на кончик второй палочки, оставшейся у него, потом демонстративно вставил ее в ухо, то же самое проделал и второй мужчина.

Немного поколебавшись, я повторила за ними, правда,

ничего хорошего не ожидая. Но ничего страшного не произошло – непонятная штуковина плотно вошла в слуховой проход и встала как прибитая. Я снова посмотрела на инопланетян и вопросительно приподняла бровь. В этот момент белобрысый снова заговорил, но теперь я понимала о чем. Супер!

– Не бойтесь, вам не причинят вреда! Я гарантирую вашу безопасность! А теперь хочу знать: кто вы? Назовите ваше родовое имя.

Прочистив горло, я прохрипела:

– Дайте воды, пожалуйста. Я не пила уже очень долго, и у меня во рту пересохло.

– Обычной питьевой воды или вы потребляете что-то еще?

– Нет! Нет! Просто воды, пожалуйста.

Темноволосый, отлучившись на несколько минут, принес огромный овальной формы бокал без ножки, наполненный чистойейшей, прозрачной, как хрусталь, водой. Какое блаженство! Торопливо выпив весь бокал, я почувствовала себя совсем хорошо, хотя поесть тоже не помешало бы, но не буду наглотать.

– Меня зовут Ева Полянская. Я принадлежу к человеческой расе. С планеты Земля!

– Странное название для планеты – Грязь. Может быть, я неправильно понял название? Или проблемы с переводом...

Я нахмурилась и сказала:

– Не Грязь, а Земля! Земля дарует нам жизнь, пропитание и защиту. А грязь – это совсем другое.

– Простите, если оскорбил ваши чувства, Ева Полянская. Как вы оказались одна в этом секторе и в поврежденном шлюпе?

Я кратко рассказала о джа-анах, о нашем полете и о побо-ище, из которого смогла выбраться лишь я. К концу рассказа я, не сдерживаясь, рыдала, что не помешало мне заметить их изумление.

– Вы утверждаете, что были пилотом военного корабля? Женщина?

Я не поверила своим ушам: они не выразили никаких эмоций по поводу гибели людей, но их удивляет моя профессия?

– Хотите сказать, что я все придумала? Интересно, для чего мне это нужно? Ведь я вижу вас впервые! – выпалила я в негодовании. Хотя мой гнев быстро утих – как только я вспомнила, где нахожусь и с кем. И на всякий случай поторопилась объяснить, ведь мне было необходимо их доверие: – На военных кораблях женщины обычно не служат, но на кораблях дальнего пилотирования много женщин-пилотов. Я не понимаю, что здесь особенного? В конце концов, у нас равные права. Женщины, как и мужчины, могут работать там, где захочется, ну или куда возьмут. А на военные корабли женщин перестали брать, потому что военные часто выполняют длительные операции. И высока вероятность межполовых конфликтов.

Мужчины переглянулись, стоило мне замолчать. Затем «белый» осторожно поинтересовался:

– Но почему взяли вас, Ева Полянская?

Чтобы избежать ответа на четко поставленный вопрос, я, неуверенно улыбнувшись, сказала:

– Вы можете обращаться ко мне по имени. Вы спасли мне жизнь, и я хотела бы выразить вам самую искреннюю признательность.

Меня продолжали одолевать страх за свою жизнь, неуверенность в будущем и сомнения по поводу дальнейшего развития ситуации. А мужчина, сидевший на корточках напротив, внимательно разглядывал меня жуткими красными глазами и притягивал теплом. Манил им, обещая возможность согреться хоть немножечко. Хотя бы для того, чтобы не трястись от накатившей слабости.

Не удержавшись, я придвинулась ближе, наклонилась и, взяв его руку в свои ладони, благодарно пожала. Затем, неохотно отпустив, отодвинулась на прежнее место. Когда я снова взглянула на инопланетян, меня поразили контраст чувств, отразившихся на их лицах: у Белоснежки – удивление, сомнение и удовольствие, а у брюнета – крайний ужас, смешанный с изумлением. Что же я сделала неправильно?

Я смущенно замолчала. Тем более что мне совсем не хотелось вдаваться в подробности моей наследственности. Ведь неизвестно, как красноглазые к этому отнесутся. Землянка-мутант для них может быть совершенно неприемлемой.

– Скажите, как вы намерены поступить со мной? – осторожно спросила я. И прежде, чем «вкусный» мужчина открыл рот, решила пойти ва-банк: – Я пилот, очень хороший пилот. Была лучшей на курсе. И к тому же я очень хороший техник. Вы можете проверить, если хотите, я не обманываю. И если это возможно, я могла бы отработать дорогу до ближайшей к Фабиусу обитаемой планеты.

Я выпалила это и с отчаянной надеждой посмотрела бело-волосому в глаза, ожидая решения своей дальнейшей судьбы. Он, не мигая, смотрел на меня. Потом, коротко вздохнув, сказал:

– Несса Ева, обстоятельства несколько изменились. Я прошу дать мне время подумать, а пока предлагаю вам считать этот корабль своим домом. Не думайте о плохом и печальном, никто не посмеет причинить вам вред, пока вы под моей защитой. Ответьте, есть ли у вас хранитель?

Я непонимающе уставилась на него:

– Простите, я не знаю, как к вам обращаться... На последний вопрос я не могу ответить, потому что не понимаю значения этого слова.

Мужчины быстро переглянулись, бело-волосый встал, выпрямился с *нечеловеческой* грацией и легкостью. Как змея. Бр-р-р.

– Вы находитесь на борту разведывательного корабля империи Рокшан. Я эльтар Рангаир кован Разу, капитан и владелец, а это мой слуга и бортовой врач ис Дар Рамзи. Если

во время пребывания на моем корабле у вас возникнут проблемы, а меня не будет рядом, можете обратиться к нему.

Дар встал на одно колено и, глядя мне в глаза, произнес:

– Прошу простить меня, несса, за ужасное происшествие, случившееся по незнанию вашей непереносимости нашего вида.

Я поспешила с ответом, настолько непривычно было видеть коленопреклоненного мужчину.

– Конечно, я все понимаю. И нисколько не в обиде. И раз вы врач, позвольте выразить вам благодарность за лечение. Мое нынешнее состояние гораздо лучше, чем до встречи с вами.

Ис Рамзи встал, едва заметно улыбаясь.

– Пока занимался лечением, я провел исследование вашей анатомии и могу твердо утверждать, что вы ничем не отличаетесь от женщин нашего вида. Есть некоторые особенности организма, которые чуть больше или, наоборот, чуть меньше развиты, чем у нас. В целом наш геном полностью совместим с вашим, что весьма удивительно, и к тому же несет доминантный характер.

Несколько удивленная полученной информацией, я переспросила:

– Простите, ис Дар, но я не совсем поняла про доминантный характер.

Он улыбнулся чуть шире и свободнее, обнажив, в общем-то, обычные зубы.

– Нет, это вы меня простите, несса. Это означает, что в результате союза двух наших рас появятся маленькие рокшане, потому что наш геном сильнее.

Я залилась краской смущения и, опираясь спиной на перборку, встала на ноги. И надо сказать, что подрагивали они уже не столько от страха, сколько от слабости из-за голода. Я нерешительно посмотрела на Рантаира и спросила:

– Скажите, а вы питаетесь так же, как мы? Видите ли, я не ела уже, наверное, двое суток, точно не знаю, и если не поем сейчас, то скоро помру от голода. Я извиняюсь за причиненное неудобство...

В этот момент я не поверила собственным глазам: Рантаир аж посерел, резко шагнул ко мне и остановился, затем беспомощно оглянулся на Дара, и тот слегка качнул головой. Опять загадки. Снова повернувшись ко мне, Рантаир спросил:

– Скажите, несса, как вы обычно питаетесь?

– Эээ... едим мясо, овощи, фрукты и еще многое другое. Едим примерно три раза в день. А еще нам необходима вода, иначе организм быстро обезвоживается, и можно умереть, как и от голода, только быстрее.

Я говорила и ощущала себя учительницей младших классов, которая рассказывает детям очевидные для каждого взрослого вещи, и не верила, что все это происходит со мной. Но тут до меня дошел смысл его вопроса. Сделалось дурно. А вдруг они едят не то, что мы? А вдруг...

– А как питаетесь вы? – мой хриплый шепот напугал даже меня.

– Не волнуйтесь, несса, наш организм тоже требует животной пищи, и строительный материал мы берем из еды, похожей на вашу. Просто у нашей расы имеется дополнительный вид питания, если можно так сказать, – успокоил меня Дар.

– Это как же?

– Мужчины питают своей энергией женщин, а те – мужчин. Происходит замкнутый цикл постоянного обновления во время непосредственного контакта двух рокшан разного пола.

Я удивленно вытаращилась на них:

– Как джа-аны, что ли?

– Нет! Те, кого вы называете джа-аны, питаются только энергией, нам же необходима для жизни как физическая пища, так и энергетическая. Просто физической нам нужно, судя по вашим словам, немного меньше, чем вам.

Я посмотрела сначала на Дара, потом – на Рантаира, очень внимательно слушавшего нас.

– Я, кажется, понимаю, о чем вы мне говорите. У нас подобное тоже есть, но на зачаточном уровне. Скажем так, на уровне эмоций.

Рантаир, сделав шаг вперед, предложил:

– Несса, позвольте проводить вас в каюту, где вам предложат на выбор несколько блюд, чтобы вы могли определиться с выбором. Там же сможете отдохнуть. Потом мы продол-

жим наш разговор!

Он подошел к двери и, подав знак Дару, выпустил того за дверь, после чего повернулся ко мне в ожидании. А мне вдруг стало страшно. Пока он стоял рядом, было тепло и спокойно, а теперь предлагает выйти туда, где неизвестная куча инопланетян может причинить мне страшную боль одним пальцем. Страх пробежал холодным мерзким сквозняком вдоль позвоночника, заставляя дрожать.

Наверное, от страха у меня мозги помутились, потому что я рванулась к Рантаиру и схватила его за руку в черной, гладкой на ощупь перчатке. Мужчина, вздрогнув, замер, на долгое мгновение остановив на мне взгляд. Чтобы скрыть страх и неловкость, а то прилипла к нему как банный лист к известному месту, спросила:

– Скажите, эльтар Рантаир, а почему у вас глаза насыщенно-красные, а у иса Дара простого красного оттенка?

Я не ожидала вызвать вопросом такую реакцию: он будто в камень превратился, но тем не менее ответил:

– От голода, моя дорогая несса. Чем сильнее голод, тем краснее глаза.

Я удивленно задрала голову. Черт, какой же он высокий, макушкой едва достаю до ключиц.

– А почему вы не поели? Нельзя же доводить себя до крайнего состояния.

Он посмотрел мне в глаза и тихо проговорил:

– Потому что, несса, этот голод может удовлетворить толь-

ко женщина.

Ух ты! Вот и нарвалась со своим длинным языком на неприятности. Я опустила голову и неловко затопталась рядом с ним. Тем не менее, несмотря на свои горящие уши, его руку не выпустила. Даже когда почувствовала, как он большим пальцем мягко, почти неосознано поглаживает пальцы моей руки. Странная ситуация, странная встреча, странные мужчины и ощущение нереальности происходящего. Наверное, поэтому страх и напряжение потихоньку исчезали.

Неожиданно для себя поняла, что мне приятно держаться за этого, по сути, незнакомца чужой расы и ощущать его мимолетные поглаживания. Очень непривычно, что именно мои руки сейчас обнажены, а его облачены в гладкие тонкие перчатки. И шелковистая прохлада ткани добавляла впечатлений.

От Рантаира веяло спокойствием и доброжелательностью: не наносными, а настоящими. У меня вдруг промелькнула мысль, что я – как девочка-подросток на первом свидании. И хотя это не было свиданием, прикосновения таинственного мужчины дарили мне необъяснимые радость и удовольствие. С каждой секундой Рантаир нравился мне все больше, и мне невольно казалось, что я переживаю самое настоящее романтическое приключение, о которых с упоением читала в книгах.

Мое большое романтическое приключение! Я, может, завтра умру. Для своих я уже умерла, да и для себя тоже. А сей-

час я получила шанс на жизнь. Почему я не могу насладиться новыми и такими долгожданными чувствами? Невозможными для меня в прошлой жизни. И я решила расслабиться и плыть по течению. Будь что будет. Как говорится, авось прорвемся. Все это пронеслось в моей голове за несколько мгновений, а дальше начались суровые будни.

Мы вышли за дверь, и меня тут же обдало легкой прохладой от выстроившихся в коридоре мужчин – думаю, на контрасте с теплом Рантаира. Наверное, весь экипаж вытянулся вдоль коридора и потрясенно смотрел на нас.

Я шла между переборкой и Рантаиром, судорожно сжимая его руку каждый раз, когда мимо проходил очередной ошарашенный мужчина, а меня обдавало новой волной холода. Сколько же их здесь?!

– Двадцать три, не считая меня, несса Ева. Не волнуйтесь, никто из них не посмеет к вам прикоснуться.

Упс! Кажется, вопрос я задала вслух. Но ответ меня немного успокоил. Судя по ширине коридоров, количеству дверей и народа, это достаточно большой корабль. Хм! Значит Рантаир не простой обыватель.

Эта мысль несколько омрачила мои перспективы на совместное светлое будущее. Кому нужна нищая, хоть и симпатичная инопланетянка?

Я тихонько вздохнула, чувствуя горечь в душе. За последние дни столько всего произошло, погибло столько людей, и среди них были уже ставшие друзьями сослуживцы, а я пере-

живаю из-за какой-то ерунды. Надо думать о спасении своей жизни, а меня на романтику вдруг потянуло. От голода, наверное. Я даже не знаю, сколько провалялась без сознания, пока дрейфовала в космосе. Судя по тому, с каким трудом я передвигаю ноги и как трясутся поджилки от слабости, видимо, гораздо больше двух дней. Затем я подумала об аппарате, в котором очнулась. Скорее всего, именно благодаря ему я жива и уже невредима. Эх, на Землю бы его!

После третьего коридора мы наконец подошли к нужной каюте. Когда вошли туда, челюсть у меня отпала окончательно. Роскошные двухкомнатные апартаменты в золотисто-зеленых цветах, полы из какого-то пружинящего покрытия – казалось, что идешь по мягкому толстому одеялу. Куда ни глянь – низкие кресла и диванчики, в углу – изящный письменный стол на тонких ножках и удобное, но такое же изящное кресло. Мягкая подсветка придавала инопланетному великолепию налет таинственности. Широкая арка открывала вид на огромную, бесподобно красивую кровать и внутреннее убранство спальни. Хм! Да это не каюта, а будуар какой-то восточной принцессы или любимой наложницы шейха! Караул, куда я попала?!

Резко развернувшись и покачнувшись от того, что закружилась голова, я подождала, пока золотисто-зеленая круговерть остановится, затем, сдерживая гнев и – зачем от самой себя скрывать – страх, тихо спросила:

– Не помешаю ли я вашей жене или, хм... подруге, если

вы меня поселите здесь?

– Я не совсем понимаю, несса, что значит «жена» или «подруга»? У мужчин-рокшан не может быть дружбы с женщиной-рокшанкой. Это почти невозможно не только из-за пола, но и из-за полного различия интересов и образа жизни. Что означает слово «жена», несса?

– Узаконенные государством отношения между мужчиной и женщиной. Когда они вступают в такие отношения, называемые браком, – то законно живут вместе, имеют общее имущество, детей и определенные права друг на друга. Хотя в современном мире все это возможно и без узаконивания отношений. Многие пары живут вместе и любят друг друга не меньше. Просто брак – дань старым традициям.

Он очень внимательно слушал меня, потом, опустив взгляд, как-то отстраненно сообщил:

– У рокшан есть похожая традиция, но она священна для нашего народа. Называется «лианория», или слияние. Ее проводят в священном месте на Рокшане, и она носит нерасторжимый характер. Причем как в физическом смысле, так и в духовном. После прохождения лианории женщину называют лианэ, а мужчина получает статус лина. О своей лианэ мечтает каждый рокшанин. До лианории мужчина является хранителем женщины, которая его выбрала, а если такового нет, то хранителем становится старший мужчина семьи.

Потом он резко посмотрел мне в лицо, будто хотел увидеть там что-то особенное. У меня от взгляда черешневых

глаз мурашки по коже побежали – но не от холода, а от непонятного, волнующего предвкушения.

– Несса Ева, эта каюта принадлежала моей сестре эльтарине Кассаир, но несколько циклов назад она выбрала себе лина и теперь не посещает мой корабль. У меня нет лианэ, и если вы согласитесь остаться здесь, то никому не мешаете.

Я неуверенно смотрела на него, а душа пела: «Свободен, свободен! Ура!» Но, к сожалению, ноги моей радости не разделили, потому что в самый неподходящий момент решили передохнуть. Я начала медленно оседать на пол, а Рантаир подхватил меня и на вытянутых руках донес до дивана, где и оставил, резко отдернув руки.

Я опешила: неужели ему противно прикасаться ко мне или он считает, что я заразная? Голова сильно кружилась, от голода подташнивало, поэтому, откинувшись на спинку дивана, я прикрыла глаза, но продолжала сквозь ресницы наблюдать за странным владельцем корабля. Он стиснул кулаки и быстро направился к двери. Та неожиданно открылась, и он едва не налетел на Дара, вернувшегося с темноволосым мальчиком, толкавшим перед собой тележку. Дальнейшее меня несколько озадачило: то ли от неожиданности, то ли по другой, пока неизвестной мне причине, эта обычная бытовая ситуация вызвала загадочную реакцию входивших. Дар резко шагнул в сторону, чтобы избежать столкновения с Рантаиром, а юноша отпрыгнул к стене. Не говоря ни слова – он, видимо, к этому привык – Рантаир вкатил тележку

в каюту и резко приказал, обращаясь непонятно к кому:

– Накрой на стол, и побыстрее. Теперь ты будешь обслуживать неспе Еву, выполняя все, что она захочет, по первому требованию. Она скажет, что ей понравится, а твоя задача – как можно больше разнообразить ее пищу.

Юноша упал на одно колено и, склонившись передо мной, прошептал:

– Меня зовут Дир, неспе. Служить вам – большая честь для меня!

Одно дело – приказы на корабле, другое – опять коленопреклонения. Как-то не по себе от этого. Что здесь вообще происходит? Один шарахается от меня, а другие – от хозяина корабля. Такие тут правила? Или дело в чем-то еще?

Однако вежливость превыше всего. Я с трудом подняла голову, чувствуя себя совсем уж не в своей тарелке из-за собственного «размазанного» по дивану вида, и с трудом произнесла:

– Я вам тоже очень благодарна!

Юноша поднял глаза, и я отметила, что они у него темные, как у Дара, и подернуты красной дымкой. Мне показалось, что они чем-то похожи.

Ладно, в родственных связях потом разберемся, а сейчас очень есть хочется. Я непроизвольно прижала руку к голодному животу, чем запустила «цепную реакцию» у чересчур внимательных мужчин, и опять насторожилась и удивилась.

Рантаир подошел ближе, встал между мной и слугами,

Дир кинулся к тележке, а ис Дар разложил перед диваном небольшой столик и отошел к двери. Юноша начал расставлять передо мной небольшие плоские тарелочки с едой. Не успела я разглядеть и половину, как на столе не осталось свободного места. Воспрянув духом от обилия съедобно выглядывшей и божественно пахнувшей еды, я попросила:

– А можно воды принести, пожалуйста? Если вам, конечно, не трудно и...

Я не закончила, а Дир кинулся вон из каюты как ошпаренный. Странно, какие они нервные! Или чересчур исполнительные? Есть хотелось так, что даже пристально наблюдавшие за мной Дар и Рангаир не смущали, поэтому, неуверенно улыбнувшись, я принялась за первое блюдо.

О-о-о... вкусненько, почти как наш бифштекс! А это что-то не поддающееся описанию, но пойдет... Фу, какая гадость! Причем когда я схватила какую-то тряпочку вместо салфетки и с отвращением выплюнула туда эту дрянь, у инопланетян лица еще больше вытянулись.

Дар не выдержал первым и спросил:

– Вам не понравилась аттойя, несса?

Срочно запив водой остаточный вкус этой аттойи, я невольно разоткровенничалась:

– Нет, ис Дар, мне она напоминает по вкусу и запаху протухшее мясо. Бр-р-р!

Он скептически поднес тарелочку с аттойей к носу и с наслаждением вдохнул.

– На Рокшане это редкий, дорогой деликатес. Его подают только аристократам. А назвали в честь нашей звезды.

– Ваша звезда называется Аттойя?

Он коротко кивнул, с сожалением взглянув на мою тарелку. Я с сомнением посмотрела на него и предложила:

– Если вам это так нравится, может быть, сами попробуйте? Честно говоря, я не аристократка, хотя мой род известен уже более восьмисот лет, и вполне могу съесть что-то попроще.

Рантаир молчал, но было заметно, что ему приятно наблюдать за мной. И после того как я упомянула о своем происхождении, он немного нахмурился.

– У нас любой житель, знающий свою родословную до пятисот циклов, волен потребовать себе статус аристократа. На Рокшане вы с полным правом можете носить длинные волосы.

Я сначала подавилась, потом закашлялась, затем подняла руки в успокаивающем жесте, отметив, как занервничали мои «хозяева».

– Простите меня! В каком смысле «могу носить длинные волосы». – Я с тревогой взглянула на длинную, спускающуюся ниже ягодиц косу Рантаира и на короткие, до плеч, волосы Дара.

– На Рокшане статус жителя всегда можно определить по длине волос. Чем длиннее волосы, тем длиннее родословная и выше статус рокшанца.

Я нервно схватила свою уже порядком потрепанную косу и с вызовом сказала:

– Я не рокшанка и волосы стричь не собираюсь.

А про себя подумала: «В конце концов, это моя визитная карточка и вообще главное сокровище. Мои волосы цвета красного вина хорошо гармонируют с молочной кожей и желтыми, янтарными глазами».

Мне часто говорили, как посмеялся надо мной Создатель, наградив яркой внешностью и забыв дать возможность кому-то прикоснуться к этой красоте. Невысокая, всего метр шестьдесят, хрупкая, пропорционально сложенная фигурка с довольно приятными округлостями, рыжая, желтоглазая, с губками «бантиком» и тонкими чертами лица – я нравилась мужчинам.

И если еще совсем недавно я сочла бы свое лицо узковатым и чересчур вытянутым, то теперь, глядя на рокшан, я подумала об этом не как о недостатке, а как о дополнительном преимуществе. И только сейчас, вдоволь наевшись, напившись и сыто отвалившись от стола, решила про себя, что все, что происходит и не происходит, – к лучшему. Раньше я размышляла как пессимист, теперь обязательно должна стать оптимистом.

Отметив мой жест, Дир с Даром убрали со стола и, забрав с собой тележку, с поклоном удалились, тем самым снова меня смутив. Не привыкла к подобному этикету на службе.

Рантаир еще постоял, глядя на меня с загадочным выра-

жением лица, затем сказал:

– Не волнуйтесь, несса, любая рокшанка может изменить свой статус, став высокородной лианэ. Я рад, что вам подходит наша пища, а сейчас отдыхайте и не волнуйтесь, здесь вас никто не побеспокоит. В спальне, в гардеробе моей сестры, есть одежда, которая никогда никем не использовалась. Позвольте предложить ее вам, чтобы вы могли чувствовать себя лучше и комфортнее.

Я с трудом встала с дивана и подошла к Рангаиру, посмотрела снизу вверх ему в глаза. Не удержавшись, опять взяла его за руку, проигнорировав уже привычное вздрагивание, и прошептала:

– Я вам очень благодарна, эльтар. За все! Столько, сколько вы для меня, кроме моей семьи, никто никогда не делал. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь отплатить за все, что вы для меня совершили.

Сначала он нерешительно, будто сомневаясь или опасаясь, что оттолкну, поднял руку к моему лицу, потом медленно, очень нежно коснулся двумя пальцами щеки и так же осторожно провел дорожку сначала к рыжему виску, затем к губам. Внезапно, словно очнувшись, отнял руку от моего лица и, опустив вниз, сжал в кулак.

– Отдыхайте, несса! – И, резко развернувшись, вышел из каюты.

Я с минуту не могла прийти в себя. Столько нежности и боли в его глазах, и как я могла подумать, что они ничего не

выражают?

Еле-еле доплелась до кровати, стряхнула с ног ботинки, рухнула на восхитительно мягкую поверхность и мгновенно заснула с ощущением затянутой в перчатку руки на своей щеке. Неужели украсть сердце можно одним лишь прикосновением? Оказалось – можно!

Глава 3

Проснувшись, я не сразу сообразила, где нахожусь, и тихонько лежала, прислушивалась к своим ощущениям и мыслям. Было приятно валяться на мягкой кровати, но я уже несколько дней не снимала комбинезон, не давая своему телу долгожданного отдыха и чувства чистоты, что сказалось на общем самочувствии. Поэтому первым пунктом в плане дальнейших действий стал душ. Или чем они здесь пользуются?

Обследовав соответствующее помещение и с горем пополам разобравшись с управлением и предназначением разных приспособлений, я решительно принялась за приведение себя в порядок.

Гардероб поразил меня разнообразием и воистину царским величием. В самом начале, казалось, что бесконечного ряда, висело платье необыкновенной красоты: к тонкой серебристой струне крепились рукава, украшенные мелким бисером, и тончайший зеленый топик с широким поясом из бисера на талии; струящаяся широкая юбка из похожей ткани состояла из нескольких слоев, переливающихся разными оттенками зеленого; от пояса до самого пола спускались бисерные струны – это было самое шикарное платье, которое я когда-либо видела.

Я с благоговением его потрогала, но даже примерить не

решилась – не знаю же, что со мной будет дальше. Несмотря на теплый прием, оказанный неожиданными спасителями, я не могу рассчитывать, что сказка будет длиться долго. Ведь толком еще не выяснила, почему и с какой целью меня спасли. Поэтому – практичность прежде всего. Может, мне удастся влиться в инопланетный экипаж пилотом или хотя бы техником.

Перебрав кучу одежды и нижнего белья, трусов и бюстгалтеров не обнаружила. Наверное, их тут не носят? Так, ладно, свои есть, в конце концов. Где наша не пропадала, и никто же не узнает, что на мне нет белья.

Я нашла длинные черные штаны из гладкой, эластичной, приятной на ощупь ткани, отлично севшие по фигуре. Вау, как удобно! Сверху натянула нежно-зеленого цвета тунику с длинными рукавами, но приличным декольте, и чтобы скрыть вызывающе торчащую грудь, надела кафтан в пол – женский вариант рокшанской корабельной формы. Как на Даре. Плотный, но достаточно легкий, из ткани насыщенного зеленого цвета. Да и вообще весь гардероб был исключительно в разных тонах зеленого и золотистого. Повезло, что оба цвета хорошо мне подходят, а то ходила бы вся зеленая, как лягушка.

Помимо невиданного прежде количества одежды я нашла целые залежи вполне подходящей обуви. Ура! Даже не ожидала, что возня с одеванием доставит столько удовольствия. Раньше у меня не было ни денег, ни необходимости в подоб-

ных развлечениях. В академии и на кораблях я носила форму, а теперь, если честно признаться самой себе, с удовольствием нарядилась бы, чтобы понравиться одному красноглазому беловолосому рокшанцу.

Примерив маленькие золотистые туфли-балетки, покрутилась перед зеркалом и не поверила своим глазам: я очень сильно напоминала принцессу из старых фильмов о Востоке. Хотя вещи были максимально удобны, не стесняли движений, плотно облекая фигуру и придавая женственности моему облику. Современное и в то же время старомодное, но удивительно приятное сочетание. Решила не переобуваться и остаться пока в туфельках. По крайней мере, если в них будет неудобно ходить по кораблю, старые надежные ботинки выручат.

С помощью неведомым образом уцелевшей резинки сделала высокий хвост на макушке и осталась вполне довольна своим видом. Ну что ж, меня будут тут кормить, в конце концов?

К двери я направилась решительно, но, открыв ее, столкнулась с первой проблемой – напротив стояли целых два высоких блондина, от которых разило холодом сильнее, чем от Дара и Диры, вместе взятых. Непроизвольно прижала руку к губам, чтобы не закричать, но они, видимо, придали этому жесту другое значение. Один продолжал стоять и пристально смотреть на меня, улыбаясь, а второй, кивнув, поднял руку и связался то ли Даром, то ли Диром – я не расслышала, –

по коммуникатору.

От пристального внимания инопланетян мне стало не по себе, и я, извинившись, сделала осторожный шаг назад. Автоматическая дверь с шелестом начала закрываться, но я услышала слова, скорее всего, не предназначавшиеся для моих ушей:

– Она как Аттойя, такая же вкусная и прекрасная. Рядом с ней оживаешь, а, Хран?

Сомнительный комплимент, особенно после того, как я попробовала одноименный «заграничный» деликатес.

– Молчи, Мар, ты знаешь, что эльтар сделает с любимым, кто посягнет на нее. Мне не нужны лишние проблемы, меня уже ждет моя Рани.

А вот это замечание меня крайне заинтриговало, но разговор караульных прервало появление Дара и Диры с тележкой, и я вздохнула с облегчением. Однако фраза про Аттойю прочно застряла в моей голове.

– Несса Ева, я рад приветствовать вас. Как вы себя чувствуете? Позволю себе отметить, что вы удивительно верно подобрали одежду, наш эльтар будет доволен.

Я удивленно выгнула брови: во-первых, одежды другого цвета в гардеробе не имелось, а во-вторых, почему именно эльтар будет доволен моим выбором? Но Дар, отвернувшись от меня, наблюдал, как Дир накрывает на стол, и я, не удержавшись, спросила:

– Скажите, ис Дар, Дир ваш родственник? Вы так похожи.

Дар неожиданно смутился, потом ответил:

– Да, несса, он мой последний брат.

– Вы хотите сказать, самый младший?

– Нет, несса, я хотел сказать, последний из оставшихся в живых.

– Простите, ис, я не хотела вас огорчить, – расстроилась я из-за собственной бестактности.

– Не беспокойтесь, несса, вы можете спрашивать что угодно! Для вас все внове, и для меня честь помочь вам освоиться среди нас.

– Скажите, ис Дар, а ваш народ со всеми обращается так же, как со мной? – осторожно, но настойчиво выясняла я мучивший меня вопрос.

Он немного опешил.

– Рокшане не воюют с женщинами. Более того, для рокшан женщины священны, особенно такие, как вы, несса Ева!

– Такие, как я? А что во мне особенного, чем я отличаюсь от других?

Я, конечно, в курсе, что не отношусь к категории «как все», но ведь они-то об этом знать не могут! Или могут?

Дар смотрел на меня еще пристальнее, чем раньше, и молчал.

– А где эльтар Рантаир? – я занервничала.

Он удивленно вскинул брови.

– Вы хотите его видеть, несса?

Вот тут я совсем растерялась.

– Ну, я хотела бы знать, что мне можно на этом корабле, а чего нельзя. Эльтар сказал, что позже сообщит, сможет ли принять меня на службу на свой корабль, или хотя бы прояснит мое дальнейшее положение, – последнее я уже тихонько шептала себе под нос.

Дар понял мое состояние:

– Не волнуйтесь, несса, эльтар Рангаир поможет вам решить все проблемы, просто отдохайте и ни о чем не беспокойтесь. И я хотел бы узнать ответ на вопрос эльтара. Есть ли у вас хранитель?

– Нет, ис Дар, у меня нет хранителя!

– Разве в вашем роду нет мужчин, несса?

– Последний мужчина погиб восемь лет назад, ис. В нашем роду остались лишь четыре женщины, самой младшей всего два года.

Дар ошеломленно смотрел на меня.

– Значит, ваш род пресекался, несса? Мне очень жаль, я выражаю вам сочувствие.

Я задрала повыше подбородок и ответила с безмятежной улыбкой:

– Не стоит, ис, не стоит! Мой род не может прерваться из-за отсутствия мужчин, потому что он знаменит не мужчинами, а женщинами, а поэтому пока жива хоть одна из нас, мой род будет продолжаться.

– На Земле матриархат, несса? – Он слегка придвинулся ко мне, в нетерпении ожидая ответа.

– Нет, ис, кое-где может быть, но в основном мужчины в наших семьях по-прежнему занимают ведущее положение.

Невольно отодвинулась от того, кто мог бы причинить мне боль, лишь коснувшись пальцем, что не осталось незамеченым.

– Тогда почему ваш род матриархальный? – спросил Дар мягко.

Я сжала кулаки, потом с трудом разжала. Не знала, что сказать в ответ, не хотела, чтобы они, узнав о нашем проклятии, изменили отношение ко мне. Поэтому не придумала ничего лучше, как пожать плечами, неловко переступив с ноги на ногу, присесть за стол и начать завтракать. Если это, конечно, был именно завтрак, а не обед или ужин.

– Вы не голодны? – Есть в одиночку и под присмотром было как-то неловко. – Присоединяйтесь.

– Благодарю, я уже поел.

Он постоял в ожидании, исподлобья разглядывая меня, видимо, рассчитывая получить ответ, потом резким жестом отпустил Дира, а сам отошел к двери.

Долгого молчания я не выдержала и спросила:

– Скажите, когда человека сравнивают с вашей Аттойей, это хорошо или плохо?

– Кто вам это сказал? – он даже дернулся.

– Нет, нет, я нечаянно подслушала, мне никто не говорил, просто стало интересно. Простите, ис Дар, я снова что-то не поняла.

Он опять уставился на меня, потом неохотно ответил:

– Несса, Аттойя – наша звезда. Яркая, горячая, прекрасная, дарующая тепло и жизнь Рокшану, поэтому когда вам скажут, что вы похожи на Аттойю, – сделают большой комплимент, который, несомненно, вами полностью заслужен.

Я польщенно посмотрела на него и немного расслабилась. Значит, меня сравнили не с воняющим протухшим мясом деликатесом, а со звездой, что кардинально меняет смысл. Поэтому спросила почти игриво:

– То есть вы считаете меня такой же привлекательной, как и ваших женщин, ис Дар?

– Нет, несса, я считаю, что вы гораздо прекраснее любой встречавшейся мне ранее женщины. И вы намного вкуснее их.

Я в ужасе вытаращилась на него:

– К-как это «вкуснее»? Вы меня все на вкус пробовали, что ли, пока я без сознания была?

Он успокаивающе повернул ладони вверх и сконфуженно пробормотал:

– Простите, несса, что испугал вас, но наша раса питается энергией так же, как и физической пищей. Энергия, как и пища, имеет свой вкус. И у всех она разная.

Вспомнив, насколько необычайно вкусным показался мне Рангаир, неуверенно кивнула.

– Кажется, я понимаю, о чем вы говорите, но думала, что для этого нужен телесный контакт.

– Для нормального питания – да, но мы ощущаем энергию всего живого вокруг нас, и она несет в себе разную информацию, и на вкус она тоже разная. Это как вы недавно, прежде чем принимать еду, сначала ее понюхали, а потом немного попробовали и только затем начали есть. Вот и мы на небольшом расстоянии можем, образно выражаясь, понюхать и снять пробу – не больше. Независимо от желания, это естественно, как дыхание.

Я успокоилась и снова принялась за еду. Прожевав очередной кусочек, решила выяснить:

– Скажите, ис Дар, мой шлюп – насколько он поврежден?

Собеседник опять загадочно посмотрел на меня, перед тем как ответить:

– Боюсь, несса, я опять вас расстрою, но шлюп не подлежит ремонту, поэтому мы избавились от балласта.

Я смотрела прямо перед собой, упрямо пытаюсь сдерживать слезы. Потом, печально усмехнувшись, прошептала:

– Надеюсь, меня высадят на обитаемой планете, ис, а не прямо в космосе, если вдруг мне не найдут здесь места.

Дар побелел, если можно так сказать при его светлой коже, и поспешил успокоить:

– Не волнуйтесь, несса, вас в космосе не высадят, вас вообще никогда не... – Он хотел сказать в запале что-то еще, но словно сам себе заткнул рот и дал подзатыльник. – Простите, несса, мне надо проверить, как там эльтар! – И резко развернувшись, рванул на выход.

Проводив спину мужчины взглядом, я тяжело вздохнула. Затем, не торопясь, поела, медленно прокручивая в голове полученную информацию, и пришла к определенным выводам. По их мнению, я красивая. Можно успокоиться, хотя... Вкусная – плохо или хорошо это для меня? Не выкинут где попало. Но что означает «никогда»? Тоже вопрос открытый.

Ладно, поели, попили – и пошли на разведку. Стоит признаться, я соскучилась по Рантаиру. Сказать об этом прямо – засмеют или просто не поймут. Придется искать повод для встречи. Собрав все имеющееся в запасе мужество, я направилась на выход. За дверью по-прежнему стояли мои охранники – они вытаращились, как только увидели меня. Я неуверенно улыбнулась и, придерживаясь переборки, медленно пошла осматривать корабль. А они так же медленно шли за мной. Значит, меня все-таки охраняют, а не сторожат. Уже хорошо.

Мы ходили около часа, я с профессиональным интересом рассматривала служебные отсеки, и везде, где бы ни появлялась, с таким же интересом разглядывали меня. Стоически всем кивала, здоровалась и, улыбаясь, уходила дальше, спиной чувствуя удивленные взгляды.

В техническом отсеке возились двое мужчин, громко споря друг с другом. Они замолчали, как только я вошла в отсек. Я подошла ближе и осмотрела кучу проводов, кое-где оборванных и перепутанных, подключенных к маленькому дисплею контроля за неполадками. Как же знакомо...

Сверху искрило и капало на все это безобразие. Я опустилась на корточки и, с вежливой просящей улыбкой взяла устройство, напоминающее планшет, начала изучать его. Если повезет, меня возьмут техником, тогда надо хоть немного разобраться в инопланетном оборудовании.

Полчаса ушло на изучение работы дисплея и еще полчаса на поиск неполадки. На ее устранение и приведение узла в порядок хватило пяти минут, с моей-то способностью «чувствовать» корабль. Я с ощущением полного удовлетворения растерла смазку между ладонями, вовремя вспомнив, что я в платье, а не в комбинезоне, и, встав с колен, вытерла руки о легинсы. Там-то точно не будут заметны грязные пятна.

Подняла глаза на своих охранников. Они были не просто удивлены. Они потрясенно смотрели на меня, а я осторожно их обошла и направилась дальше. Оказывается, приятно показать, что я не профан в своем деле. Хотя реакция окружающих и отношение ко мне удивляли и напрягали, вызывая множество вопросов о взаимоотношении полов у этой загадочной расы.

Следующей остановкой стал спортзал. Судя по воплям, там как раз шла тренировка. Я ускорила шаг и вошла в большое полукруглое помещение с такими же мягкими полами, как у меня в каюте. Оценила голые торсы троих полураздетых мужчин, круживших возле одетого во все черное Рантира. Мускулы нападавших, напряженные как натянутые канаты, впечатляли. Белые, сильные, гибкие рокшане, похожие

на змей, бросались на Белоснежку. У каждого в руках были странные палки с крючьями на конце, которые вращались с жутким воем. Бр-р-р. Страшно, очень страшно, потому что этот бой на тренировочный не похож совсем.

Сердце замирало, когда я глядела на них, а рот я зажала рукой, чтобы не вскрикивать каждый раз, когда казалось, что Рангаира вот-вот сметут или разорвут на части страшными крючьями. В конце концов один из нападающих задел его лицо, на воротник закапала кровь. Нет, такие тренировки не по мне. Я не выдержала, зажмурилась, но уже через несколько секунд наступила тишина.

Рокшане во все глаза таращились на меня. Я устала улыбаться, перенервничала и вообще замучалась. Поэтому просто хмуро посмотрела в ответ, а на своих охранников даже оглядываться не стала. Я к ним за полдня привыкла, как к мебели.

Рангаир напряженно ожидал, видимо, какой-то моей реакции. А у самого кровь капала на кафтан – порез оказался глубоким.

Я оглянулась, раздумывая, чем бы ее остановить, и увидела возле стены несколько кресел и накрытый чем-то вроде скатерти столик с яйцевидными бокалами. Сдвинув их в сторону, взяла салфетку. Надеюсь, это подойдет. Я подошла к раненому эльтару и осторожно приложила ткань к ране.

– Надо Дара позвать, а еще лучше пошли сразу к нему, а то потом шрамы могут остаться. – Я болтала, чувствуя себя

крайне неловко из-за того, что Рантаир замер как статуя, с потрясенным видом. – Шрамы, конечно, мужчину украшают, но лучше, чтобы их было поменьше. Думаю, ты еще успеешь их заработать.

Убрав салфетку, осмотрела рану: к счастью, она почти не кровоточила. Потрогала скулу – не задета ли кость, и удивилась, насколько гладкая и мягкая у рокшанца кожа.

– Разве у вас не растут волосы на лице? – Глупее вопрос задать трудно, но может быть, Рантаир хоть выйдет из ступора.

Он несколько секунд молчал, потом прохрипел:

– Нет, Ева, не растут. А у вас?

Я немного нервно рассмеялась.

– У женщин не растут, а вот у мужчин – да. – И, прижав снова салфетку к ране, не удержалась и еще раз с удовольствием прикоснулась к его лицу. Знала, что веду себя непозволительно, но прекратить просто не могла.

Провела по щеке, потом по подбородку, а дальше, обнаглев от собственной смелости, поднялась на цыпочки и, вытянув руку, потрогала лоб – там, где начинают расти волосы.

– Красивые волосы, на Земле за такую красоту все бы передрались. Там нет настолько белокожих, под влиянием нашей звезды – она называется Солнце – кожа темнеет, особенно если долго загорать. А вот моя кожа абсолютно не выносит открытых солнечных лучей. Я сразу обгораю.

Устав стоять на цыпочках, я опустила руку, но руку не убра-

ла – не захотела разрывать контакт. Мне казалось, что я могу простоять так вечно. Настолько мне было хорошо, приятно – и не просто тепло, а горячо.

Жаркая волна растекалась по моему телу, каждая клеточка словно кричала от удовольствия и наполнялась жизнью. Я никогда не испытывала ничего подобного. Моя рука невольно скользнула вниз, но Рантаир поймал ее на лету и прижал к своей щеке всей ладонью.

Я посмотрела ему в глаза – и тут наконец поняла, что мной сейчас питаются, потому что они меняли цвет от темно-вишневого к более светлому, красному. И не только светлели, но и становились прозрачными. За этим процессом было так интересно наблюдать, что я осознанно сконцентрировалась и послала Рантаиру волну своей энергии в благодарность за испытанное удовольствие.

Он слегка покачнулся, но все равно не разжал руку, лишь довольно прикрыл глаза. Казалось, что мужчина в полном экстазе и еле держит себя в руках. Правда, от чего он держит себя в руках, было непонятно, но как-то тревожно стало, поэтому я с усилием разорвала контакт, вырвав у него свою ладонь, и отступила на шаг назад, сжимая окровавленную салфетку в другой руке. Он резко опустил голову и пристально посмотрел на меня.

– С вами все в порядке, несса, я не причинил вам вреда?

А я не могла оторвать взгляд от его глаз – хотя дымка еще была красного цвета, сквозь нее стали видны белки и тем-

ный зрачок. Но Рантаир напряженно и с тревогой ждал моего ответа.

Я смутилась и, спрятав за спину руки, просипела (и когда это у меня голос сесть успел?):

– О, со мной все в порядке, а у вас открытая рана на лице, пойдете-ка к Дару. – Повернувшись в сторону выхода, взяла Рантаира за руку: – Ну что, пошли?

Он смотрел на меня несколько мгновений, не двигаясь с места, даже не по себе стало, а потом, словно очнувшись, сделал шаг вперед. Но тут я резко остановилась и подалась всем телом назад, к Рантаиру, так как в проходе стояли несколько членов команды, включая моих охранников, трех бойцов, двух горе-техников и Дара с Диром. И все откровенно тарасились на нас в полном ступоре, явно не веря своим глазам.

Я растерялась и подсознательно приготовилась получить по заслугам. Отпустив руку Рантаира, подняла голову и тихо спросила:

– Простите меня, эльтар Рантаир, если я что-то сделала или сказала не так. Если объясните, что именно, больше не буду.

Понурившись, чувствуя, как стыд удушливой горячей волной заликает лицо, шею и уши, я даже подпрыгнула от испуга, когда он вышел вперед и прошипел, как рассерженная змея:

– Дар, останься, остальные – вон!

Второго приказа никто ждать не стал, все словно испарилось. Я тоже поспешила было испариться, но оказалась схвачена за руку:

– Вас это не касается, Аттойя!

Было бы куда, я бы присела! Но пришлось стоять с открытым ртом и хватать воздух, сперва – переживая унижение, в котором сама же и виновата, а следом – комплимент. Даже не знаю, что хуже.

– Покажите руки, несса! Немедленно!

Увидев, как капитан нервничает и еле сдерживается, я вытащила из-за спины руки и повернула ладонями вверх и вниз, выполнив приказ.

– Если я оскорбила вас, причинила вред или сделала больно, прошу прощения, эльтар. Я хотела только помочь! Ведь их было трое, а вы один, и вас ранили, и даже помощь не предложили.

Не знаю, что Дар с Рантаиром там разглядывали, но неожиданно последний словно на что-то решился. Аккуратно снял перчатку, и я с удивлением заметила, как врач даже не побледнел – позеленел. Затем Рантаир шагнул назад и медленно, словно я прокаженная, коснулся кончиками пальцев моей ладони. Меня словно током прошибло, но это было так приятно, что, не удержавшись, я резко вздохнула. Рантаир сразу убрал свою руку и с ужасом посмотрел на меня.

– Вам больно, эльтарина?

Почему он вдруг решил изменить обращение ко мне, ре-

шила узнать потом. Смущенно покачала головой, не выдержала и сама взяла его за руку.

– Вот, ничего страшного не произошло, эльтар. Мне совсем не больно. Если честно, то мне, скорее, очень приятно...

Дальше между нами началось что-то из ряда вон выходящее. Я вся горела, жидкое пламя лавиной растекалось от ладони по телу. В какой-то миг даже мелькнула мысль, что это, наверное, оргазм – примерно так его описывали мои сокурсницы по академии. Стало жарко, ноги ослабели настолько, что пришлось прислониться к Рантаиру и держаться второй рукой за его кафтан. Почувствовала, что он сырой от пота, и вздохнула. Я поняла, чем отличаются наши мужчины от рокшан – запахом. Наши воняют, а рокшане пахнут. Вполне возможно, это касается только одного-единственного мужчины. Но запах незабываемый – свежескошенной травы, смешанной с ароматом древесины и нагретого солнцем песка – настолько легкий и терпкий, что я, уткнувшись носом в его грудь, не могла надышаться.

Я готова была стоять так всю жизнь, держа его за руку и вдыхая его аромат. Но он поднял меня на руки и понес из спортзала. Рядом шел Дар, и я слышала его благоговейный шепот:

– Это невозможно, этого просто не может быть!

Что-то со мной не то происходит. Словно наступило перенасыщение. Пребывая в странной эйфории, я вяло подня-

ла голову и посмотрела на Рантаира – да так и замерла, потому что на меня смотрели самые красивые и чистые синие глаза во всей Вселенной. И такие любимые, что я, не удержавшись, шмыгнула носом, а по щекам покатались слезы. Он от неожиданности остановился и с тревогой посмотрел мне в лицо.

– Вам плохо, Ева?

– Нет, просто ваши глаза – красивые, синие, и краснота совсем ушла. Значит, вы сытый? Да?

Он несколько раз моргнул, потом нахмурился и как-то весь напрягся, продолжая идти, скорее всего, в мою каюту. Члены экипажа провожали нас изумленными и почему-то немного испуганными взглядами. Я никак не могла сосредоточиться и осмыслить происходящее, мало того – мне было стыдно за свое поведение. Боже, они же, наверное, бог знает что подумали обо мне! Липну к капитану как банный лист, хватаю за руки, за лицо. Да я сама от себя в шоке, но ничего не могу поделать – меня непреодолимо тянет к Рантаиру.

Опустив голову, горько вздохнула, пытаюсь тайком, чтобы никто не заметил, вытереть слезы.

Войдя в каюту, эльтар осторожно опустил меня на диван и, повернувшись к Дару, приказал:

– Еды, немедленно! – Опять обернулся ко мне: – Эльтари-на Ева, я отвечу на ваш вопрос. Да, вы накормили меня до-сыта, чего раньше со мной никогда не случалось, и ваш труд будет вознагражден. Не волнуйтесь, думаю, после оплаты вы

очень долго не будете ни в чем нуждаться. Можете путешествовать на моем корабле, сколько вам захочется. Для меня это будет удовольствием.

Я слушала, а внутри росло раздражение пополам с яростью, и это чувство я тоже испытывала впервые. Захотелось сделать ему больно, как только что сделал мне он.

– Я просила о должности техника или пилота, а не вашей или чьей-то еще кормушки, эльтар! Боюсь вас оскорбить, но придется: я не могу взять плату за услугу по кормлению, потому что вас я использовала в тех же целях, а так как у меня нет денег, то и оплачивать ваши услуги мне нечем. Вы мне ничего не должны, как и я вам, надеюсь. И если я причиняю вам столько неудобств, то высадите меня на первой же обитаемой и разумной планете, я сама о себе позабочусь. – Пока я говорила, я словно сдулась, как воздушный шарик, поэтому последнюю фразу позорно прохлюпала сквозь слезы: – И сходите наконец к Дару, у вас опять кровь пошла.

Сунув ему в руки салфетку, направилась в санблок, стараясь не смотреть на него и не прикасаться. Хотя краем глаза заметила небольшое столпотворение за спиной ошарашенного Дара, замершего в дверях с тележкой. Я не выдержала такого унижения и завопила:

– Неужели никого из вас не учили стучаться, когда входите в чужую каюту, и не подслушивать чужие разговоры?!

Это было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, я развернулась и бросилась в санблок. Не знаю,

что в каюте происходило дальше, потому что не выходила я часа два, наверное. Кто-то иногда стучался в дверь, но я кричала: «Уходите!»

Как же мне было стыдно за свое поведение! Представляю, что они подумали о земных женщинах: приставучие, наглые, прожорливые истерички. А ведь еще совсем недавно я была образцом спокойствия и хладнокровия. Мои эмоции ограничивались недоуменным поднятием бровей или презрительной усмешкой для врагов. А для друзей – приветливая улыбка и любая помощь, которую я могла оказать. И я всегда щедро делилась хорошим настроением, ведь оно повышало его и другим.

Устав сидеть взаперти, хоть и добровольно, я привела себя в порядок, тихонько открыла дверь и вышла. В каюте никого не было, но зато стоял накрытый стол. Погладила свой урчащий голодный живот и накинулась на еду, как ястреб на дичь. Стресс и масса впечатлений забрали все силы, поэтому, добравшись до постели, я сняла резинку с волос, верхний кафтан и легла прямо в нижней блузке. Спать обнаженной на чужом корабле я не решилась. Штаны и туфли стянула уже лежа, бесцеремонно спихнув ногой на пол.

Глава 4

Проснулась я оттого, что ко мне кто-то прикоснулся – нежно водил пальцем по щеке. Я открыла глаза и уставилась в самые красивые синие глаза, какие только видела. Рантаир полулежал рядом и смотрел с такой нежностью, что у меня внутри от счастья запорхали бабочки. В подобные моменты понимаешь: этому мужчине можно простить все на свете. Через несколько секунд он ласкал мое лицо ладонью, а я от удовольствия едва не мурлыкала, прикрыв глаза. Наклонившись ко мне чуть ближе, Рантаир прошептал:

– Если вы еще согласны стать моим пилотом, то вы приняты.

Окутанная его теплом, вкусом и запахом, я не сразу поняла, что он сказал. А когда смысл наконец дошел до меня, резко подскочила на колени, завопила от счастья и кинулась обниматься. Мой капитан лежал и не шевелился, а в глазах застыло удивление: наверное, не ожидал подобной выходки.

Выплеснув первую порцию радости, я села рядом и начала выплескивать вторую:

– Я очень быстро освою управление вашим кораблем! Вы не пожалеете, что взяли меня пилотом! Я, конечно, и техник очень хороший, и, если потребуется, могу бесплатно работать, но летать люблю больше, чем копаться в механизмах. На нашем корабле я и техников заменяла, и пилотом была.

Так что я со всем справлюсь. – Потом неожиданная мысль меня немного напугала, и я схватила его за руку: – А как быть с вашим языком? У вас есть какие-нибудь обучающие программы? Ведь переводчик есть только у вас и Дара и, наверное, у Дира, потому что он вроде бы понимал, когда я с ним говорила. Но вы не волнуйтесь, я очень быстро выучу язык.

С большой надеждой уставилась на капитана, ожидая решения. Он же смотрел на меня с непонятым выражением лица, держа мою руку и поглаживая большим пальцем ладонь. А я только сейчас заметила, что на мне чересчур тонкая блузка, которая ничего не скрывает, а лишь придает пикантности моим округлостям. С одного плеча рубашка и вовсе сползла, и завершила картину полного безобразия его ладонь у меня на коленях.

Я залилась краской, выпустила чужую руку и медленно отодвинулась подальше. Потом быстренько слезла с кровати и, надев кафтан и застегнув все липучки вдоль груди, почувствовала себя увереннее. Пока не повернулась к Рангаиру лицом и не увидела довольную усмешку. А мое лицо, наверное, сейчас напоминало спелый помидор.

– Извините, я снова забылась, эльтар. Не знаю, что со мной творится в последнее время... – виновато, почти шепотом пролепетала я.

Он поднялся одним движением и, пальцами приподняв мой подбородок, тихо сказал:

– Не стоит извиняться, Аттойя. Ты как океан пресной воды в песках Крап-чага: столь же желанна и живительна, но абсолютно нереальна. Я даже представить не мог, какое сокровище найду, когда от скуки приказал подобрать твой шлюп. Но хочу, чтобы ты знала – то, что я нашел, я никогда не потеряю и никому не отдам! А насчет языка не волнуйся: рил, который у тебя в ухе, не только переводит, но и постепенно обучает и тебя, и нас. Двустороннее обучение. Можешь уже пытаться говорить на нашем языке, это ускорит процесс обучения. Просто подумай о том, как будет звучать фраза на моем языке, и произноси слова, которые уже слышала. Рил поможет.

Я еще переваривала первую часть его монолога, вторую – решила обдумать позже.

– А сколько мне будут платить, эльтар?

Он опять улыбнулся, и мое сердце, как подкошенное, ухнуло вниз.

– Сколько ты захочешь, эльтарина, столько и получишь!

Я недоверчиво присмотрелась к Рантаиру, а потом все-таки решила уточнить:

– На лишнее не претендую, поэтому пока не выучу ваш язык, рассчитываю на полставки пилота, а как освою в приемлемом объеме – переведете на полную. Ну и, надеюсь, питание за ваш счет. Это будет справедливо, – я хитро улыбнулась, – думаю, не у каждого судовладельца на Рокшане служит женщина-пилот. Наверное, вы первый в истории, поэто-

му я заслуживаю некоторых льгот. Согласны, эльтар?

Рантаир долго смотрел на меня, потом все-таки не выдержал:

– Боюсь, я еще пожалею о своем решении, но мне трудно вам в чем-то отказать, эльтарина.

– Скажите, эльтар, а почему раньше я была несса, а теперь эльтарина?

Рантаир нахмурился, и мне даже показалось, немного испугался. Резко отстранившись, он направился к двери.

– Ева, когда будете готовы, присоединяйтесь ко мне в рубке. Можете уже сейчас начать обучение!

Я кинулась за ним, но потом вернулась к столику, на котором было так много вкусного. Мост от меня никуда не убежит, а вот потерянные килограммы лучше немного восстановить, а то меня любым сквозняком унесет.

Следующие два дня я провела, изучая корабль, звездные системы, известные рокшанам, их язык и просто тренируя нервы в попытках общения с другими членами экипажа.

Поначалу приходилось нелегко, а рокшанам было еще сложнее. Но Дар дал экипажу приказ объяснять мне все, о чем бы я ни спрашивала. Я объяснялась жестами, а потом старательно повторяла слова за ними. Меня терпеливо поправляли, несмотря на то что для рокшан-мужчин присутствие женщины в рубке военного корабля – немыслимо. И уж совсем нерадостно им стало после заявления капитана, что эльтарина Ева согласилась быть пилотом в устоявшем-

ся, слаженном мужском коллективе. Многие бросали на меня мрачные косые взгляды. Но никто даже слова против не сказал.

Чтобы было не так страшно – вдруг кто-нибудь из них до меня случайно дотронется – я решила дополнительно себя обезопасить и попросила у Рангаира перчатки.

Вообще он себя странно вел в эти дни. То исчезал куда-то, то следовал за мной, словно тень. Сначала смущалась, потом настолько привыкла, что, принимаясь за очередное занятие, каждый раз молча искала его одобрения.

За время стажировки я многое узнала из разговоров с Даром и Рангаиром о жизни на Рокшане. Оказалось, империя Рокшан существует уже несколько тысячелетий и помимо одноименной планеты простирается на еще одиннадцать планет-колоний, входящих в империю, но управляются они родовыми кланами.

К одной из таких колоний мы сейчас и направлялись. Она называется Крап-чаг («горячий песок»), это небольшая, почти обезвоженная планета, богатая полезными ископаемыми. Там находится множество торговых компаний, есть высокоразвитая инфраструктура.

Коренные жители – шрахи – по описанию Дара похожи на кротов размером с крупную собаку; они весьма разумны и чрезвычайно неприхотливы. Их города находятся преимущественно под землей, это защищает их от жара горячей звезды. Кроме космопорта и огромного делового центра, на

поверхности совсем немного зданий, и почти все они принадлежат роду Вайрис из расы рокшан.

Вайрис контролируют львиную долю добываемых на Крап-чаге ископаемых. Особенно руду, из которой делают топливо для кораблей империи.

Жизненный уклад рокшан и разделение на социальные слои тоже интересны и сохраняются многие столетия. Первая, самая низшая, ступень – ис и иса. К ней относится почти все население, независимо от сферы деятельности семьи или достатка. Исы могут носить волосы не ниже лопаток, причем чем старше род, тем длиннее волосы.

Вторая ступень – аристократы, чей род длится более трехсот лет, – несс и несса. Их достаток или профессия тоже не определяются статусом. Нессы носят волосы от лопаток до пояса.

Третья ступень – эльтары, аристократы, чей род старше пятисот лет, или наследники императора. Их волосы спускаются ниже спины, но не ниже колен. Ну а бедный император вместе с прямыми наследниками, имеющими право занять трон, носят волосы до колен и ниже. Более того, чтобы получить возможность стать императором, наследник должен стать лином.

Рокшан оказался достаточно либеральным обществом с высокой долей патриотизма. Любой имеет то, что заработал, оплатив имперский налог. Помимо национальной императорской армии, каждый крупный аристократический род

держит свою маленькую армию и космический мини-флот.

Но самое интересное – взаимоотношения мужчин и женщин. Мужчины работают, воюют, женщины занимаются собой и домом. Женщина, пока не выберет лина, имеет определенную свободу выбора, возможность делать любимое дело или работать, более того – вступать в интимные отношения с мужчиной, от которого может даже родить внебрачного ребенка, – это не является для рокшан криминалом или чем-то, на что косо смотрят. Но как только определяется с лином, ее судьбой и поступками начинает руководить он.

Наверное, поэтому их женщины все чаще предпочитают выбирать себе хранителя, а не проходить лианорию. Никто не может заставить силой или провести загадочную церемонию без обоюдного согласия. Даже более того, мужчина проявляет интерес к понравившейся женщине и ухаживает за ней, но только от ее решения зависит, будут они парой или нет.

Из-за специфики питания и жизнедеятельности у рокшан существуют только гетеросексуальные отношения. Для одиноких мужчин есть специальные дома кормления. По описанию вполне смахивают на бордели, но вполне легальны и поддерживаются императорским домом.

На Рокшане достаточно четкое разделение профессий на мужские и женские, чего придерживаются поголовно, причем добровольно, видимо, благодаря сильным традициям. Именно поэтому они удивились тому, что я пилот. Но боль-

ше всего меня поразило одно обстоятельство, на несколько часов выбив из колеи. Продолжительность их жизни в два раза больше нашей! Они преспокойно доживают до двухсот пятидесяти лет, и все благодаря постоянному обмену энергией. И самое интересное – пары, прошедшие лианорию и замкнувшие друг на друге свои обменные процессы, живут гораздо дольше, чем рокшане, так и оставшиеся одиночками.

Я сделала интересный для себя вывод об их жизни: мужики падают как проклятые, чтобы обеспечить будущую лианэ, и полностью зависят от любой женщины – из-за необходимости питаться, а женщины живут за счет мужчин как трутни, но являются необходимой для выживания мужчины «кормушкой». Как говорится, любишь кататься, люби и саночки возить. Круговорот еды в природе.

На мой вопрос о любви мужчины ответить сразу не смогли, поскольку в рокшанском не оказалось аналога. Когда я, заикаясь и краснея, пыталась объяснить, что же это такое, мне ответили, что это «торвада», то есть предначертанная, и это слово имеет более глубокое понятие, чем наше слово «любовь». Потому что торвада – вторая половина, связанная с тобой не только физически, но и духовно.

Пока Дар философствовал, я вдруг вспомнила, как совсем недавно он обмолвился, что я торвада Рантаира. И похолодела! Интересно, врач заметил мои чувства к Рантаиру или имел в виду его самого? И не спросишь!

Второй «вечер» подряд мы ужинали вместе с Рантаиром и Даром, причем по моей просьбе, а они и не возражали. Если бы еще Рантаир не хмурился иногда, поглядывая на нас с Даром...

Я трещала, не закрывая рот, рассказывая интересные истории о людях, и мы все чаще смеялись вместе. В их присутствии было очень легко, и Дар разряжал напряжение, неизменно возникавшее между мной и Рантаиром.

Я часто ловила себя на том, что смотрю на него и не могу насмотреться, хотелось прикоснуться к нему, но прошло уже несколько дней, а он больше не делал попыток вновь дотронуться. А самой липнуть к Рантаиру я стеснялась.

Как-то в разговоре возникла пауза, и я спросила:

– Эльтар, скажите, а в кого у вас такие красивые волосы?

Меньше всего я ожидала такую реакцию на безобидный вопрос: Дар сник, потух, а Рантаира словно подменили, он стал чужим, холодным, как мраморная статуя, затем с потемневшим от гнева лицом уставился куда-то в сторону. Извиняться не стала – молча ждала. Хватит с меня секретов! Он повернулся к Дару и прошипел:

– Не хочешь сам объяснить с научной точки зрения, что за урод сидит с ней за столом?

Кажется, я тоже побелела, кровь отхлынула от лица, но я попросила эльтара:

– Может, вы сами попробуете мне объяснить?

Он в упор посмотрел на меня, а потом усталым и каким-то

мертвым голосом начал говорить:

– Волосы в жизни рокшан имеют не только социальное значение, но и отражают градацию силы и вкуса своего носителя. Любая рокшанка знает, сколько может дать мужчина в зависимости от цвета его волос. Чем светлее, тем вкуснее и сильнее энергетический поток. Самые лучшие – золотистые блондины, а самые слабые, которые мало что могут дать женщине, – темноволосые. – Он усмехнулся, глядя на потемневшего лицом Дара. – Но есть такие, как я. Хотя сейчас, насколько мне известно, нас осталось всего одиннадцать, и я хуже всех. Белые волосы – проклятие для мужчины Рокшана. Мы как джа-аны высасываем жизнь из всего, к чему прикасаемся, и не можем дать женщине ничего, кроме боли, страданий, а при длительном контакте – смерти. Эта мутация может поразить любого ребенка в утробе матери. Наши ученые пока не нашли ее причину.

– А почему осталось всего одиннадцать? Это редкая мутация?

Ответ прозвучал жестоко:

– Нет, эльтарина. Просто выживают дети только очень, очень богатых рокшан, которые могут позволить себе нанять огромное количество кормилиц, а чем старше становится ребенок, тем больше ему требуется энергии. И очень немногие женщины решаются даже за очень большие деньги терпеть боль. К тому же такие, как мы, вообще долго не живут из-за постоянного голода, да и отношение окружающих нас не

особо радуется, поэтому многие не выдерживают и добровольно уходят из жизни.

Мне стало понятно все. Картинка суровой жизни белокурого капитана сложилась, но это понимание стоило очень дорого – радости, счастья и тепла, его тепла. Боль разливалась у меня в груди, но я не могла не спросить:

– Скажите, Рангаир, вы спасли меня от скуки, а здесь оставили только потому, что я для вас – идеальная кормушка? – Я смотрела ему прямо в глаза, потому что именно сейчас решалась моя судьба.

Эльтар молчал, в его синих глазах застыли боль и обида на весь мир. Казалось, что между нами выросла стена. Наверное, он всегда так защищается от окружающих.

Ответил капитан глухо и какими-то рублеными фразами: – Когда я увидел тебя, то меня поразили цвет твоих волос. У нас таких не бывает. Потом, когда ты пришла в себя, меня поразили цвет твоих глаз, живых и ярких. А когда ты раскрыла ладонь навстречу – от твоего вкуса. словно живительный поток промчался по всему телу. И я решил, что ты будешь принадлежать только мне. Я не знал, надолго ли ты согласишься остаться, но придумал бы много причин. Думал, что никогда не смогу коснуться тебя... Ведь даже Дар едва не убил тебя, взяв за руку. Но я мог бы смотреть и чувствовать твой аромат. А ты сама подсказала выход из положения, предложив взять тебя на работу. Потом ты потрясла нас всех, когда взяла меня за руку. Никто другой не может сде-

лать этого и не пострадать, даже когда я в перчатках. Когда я голоден и раздет, то даже на расстоянии смертельно опасен для окружающих. А ты сама коснулась меня. Сама захотела и взяла меня за руку! Если бы ты знала, что я почувствовал тогда, то умчалась бы, крича от страха. Но я сдержался... Видит Аттойя, чего мне это стоило! Никогда прежде ни одна женщина не прикасалась ко мне по доброй воле. Только за шурваны, за деньги, за очень много шурванов. А ты отказалась от них, хотя накормила так, как ни одна из них до сих пор. Я никогда не прикасался к женщине голой рукой. Но там, на тренировке, и потом, в этой каюте... Прикасаясь к тебе, я чувствовал, какая у тебя нежная кожа... Она как лепесток цветка.

Он замолчал, увидев, что по моим щекам текут слезы, потом резко встал, направился к двери и, обернувшись, выдохнул:

– Не волнуйтесь, Ева! Скоро мы прибудем на Крап-чаг. Я найму вам корабль, который доставит вас на Фабиус. Отдыхайте, вы сегодня много работали.

И ушел, оставив нас с Даром потрясенно смотреть друг на друга. Слишком невероятно звучали признания Рантаира. Его восхищение, отношение, мечты, желания... Хотел присвоить. А теперь решил отказаться и отправить домой.

Дар молча смотрел на меня, и я не могла понять, что означало выражение его лица.

– Я знаю, что не имею права... – Я вытерла слезы и неро-

мантично хлюпнула носом. – Дар, по-вашему, можно сказать, что он меня любит или, ну, что я его торвада?

И замерла в ожидании самого важного ответа в своей жизни. А врач, пристально за мной наблюдавший, спросил:

– Как вы думаете, сможет ли тот, кто равнодушен, отказаться от всего, что имеет смысл в его жизни, лишь для того, чтобы не разрушать вашу?

Я молча кивнула и побежала искать Рантаира. Я нашла его не сразу. Он был в спортивном зале, сидел в кресле, откинувшись на высокую спинку, закрыл глаза и крепко сжав кулаки. Я неслышно подошла и села рядом на корточки, стянула с его рук перчатки и взяла его ладони в свои. И глядя Рантаиру в глаза, попросила:

– Пожалуйста, не отсылай меня на Фабиус. Я хочу остаться с тобой.

Он взглянул на наши руки и резко ответил, напугав меня:

– Ева, если ты останешься со мной, то это навсегда. Я больше не смогу проявить милосердие к тебе и отпустить.

Неужели он думает, что проявляет заботу, отпуская меня?!

– Рантаир, я хочу, чтобы ты тоже кое-что обо мне узнал! Ты как-то спросил, почему именно меня взяли на военный корабль, – я горько усмехнулась. – Понимаешь, мой род печально известен тем, что в нем из поколения в поколение передается мутация, которая поражает только женщин. Любой мужчина для нас – смертельная угроза, и хотя не такая опас-

ная, как ты для своих, но длительный контакт с мужчиной для нас невозможен. А я – хуже всех. Если мои родственницы могли хотя бы несколько минут переносить близость мужчины, то я... – глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, я закончила: – Я смогла только два раза поцеловаться, а потом меня долго и нудно рвало. Меня взяли на корабль, потому что людей не хватало, а я действительно хороший пилот. И к тому же морально устойчива, это записано в моем личном деле. Очень тактично, ничего не скажешь. Зато я не могу своим присутствием разложить моральный облик коллектива. Понимаешь, мы, Полянские, не такие, как все. Я думаю, что другие женщины с Земли смогли бы спокойнее перенести и Дара, и остальных рокшанцев. Твой врач наверняка прав насчет совместимости наших рас. Хотя насчет тебя я не уверена. Мои родители были учеными и после долгих исследований выяснили, в чем проблема нашей наследственности. Это незамкнутая энергетическая система. То есть все, что я произвожу, я тут же теряю. А как замкнуть эту систему, они выяснить не успели – погибли в аварии почти восемь лет назад. Подумать только, я пролетела половину Вселенной и нашла тебя – свою заплатку! Когда я очнулась и увидела красноглазого инопланетянина, то, признаюсь, я сначала очень испугалась. Но ты подарил мне столько тепла и удовольствия, что я сначала не поверила своим ощущениям, а потом мои догадки подтвердились.

Эмоции зашкаливали, в горле пересохло, и, наплевав на

приличия, я устало опустилась на пол, уткнувшись лбом в его колени. Рантаир вздрогнул, но не отстранился, и я на одном дыхании призналась в самом главном:

– Я боялась рассказывать о себе. Думала: вам это не понравится, особенно после того, как вы так хорошо ко мне отнеслись. А потом... Потом ты стал для меня настолько необходимым и важным, что теперь мне трудно держаться от тебя на расстоянии. Честно говоря, я даже не мечтала, что, дожив до двадцати трех лет, наконец встречу такого, как ты.

Я подняла голову и посмотрела Рантаиру в лицо. Он сиял, в нем было столько надежды, радости и чего-то еще, во что я боялась поверить.

Эльтар наклонился и хрипло произнес:

– Я тоже даже мечтать не мог, что доживу до сорока семи и наконец встречу свою торваду.

Моя челюсть, наверное, отдавила ему ноги.

– Как это – сорок семь? Ты хорошо сохранился...

Он подхватил меня под мышки и, посадив к себе на колени, обнял.

– Не волнуйся, для рокшан – это самый расцвет жизни. И для меня, благодаря тебе, теперь тоже. Вот Дару уже шестьдесят один, но он по-прежнему одинок.

Рантаир осторожно погладил мою голову, снял резинку с волос и запустил ладонь в мою шевелюру. С улыбкой в голосе он признался:

– Я мечтал об этом с той секунды, как увидел тебя лежа-

щей без сознания.

Я тоже запустила руки в его волосы.

– Знаешь, они действительно прекрасны: белые, как свежавыпавший снег, гладкие и мягкие как шелк. И такие длинные! – Я хитро взглянула на него. – И насколько ты близок к императорской семье?

Он немного помолчал, потом улыбнулся в ответ и, так же хитро прищурившись, проворчал:

– Довольно близко, моя Аттойя! Даже гораздо ближе, чем мне бы хотелось.

Я погладила его лицо, потом тихо и неуверенно спросила:

– Рантаир, ты станешь моим хранителем?

Он взял меня за подбородок и поднял его так, чтобы смотреть мне в глаза:

– Эльтарина Ева, стать твоим хранителем для меня большая честь. Надеюсь, со временем, когда мы станем ближе, ты согласишься стать моей лианэ!

Я смотрела на него, не веря своему счастью, а потом поцеловала. Сначала осторожно, затем, почувствовав его неуверенность, поняла, что для капитана это тоже новый опыт. Я пробовала Рантаира на вкус, ласкала его губы своими, пустила в ход язык. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять смысл поцелуя, и вскоре мы так увлеченно целовались, что я забыла, где нахожусь и что это мой третий в жизни поцелуй, а у него, судя по всему, – первый.

Я даже не заметила, как уже сидела на Рантаире верхом, а

его руки сжимали мое тело. Мы горели и плавились вместе. Не знаю, чем бы это закончилось, но в тот момент, когда я начала расстегивать на нем кафтан, не в силах оторваться от его губ, а руки Рантаира находились у меня под юбкой и ласкали мои ягодицы, позади нас кто-то внезапно кашлянул. И голос Дара остудил наш любовный пыл лучше ведра холодной воды.

Он стоял, преклонив колено, и, низко опустив голову, говорил:

– Простите, эльтар, но эльтар Ронэр эран Карсу просит разрешения пристыковаться. Он хочет нанести визит вежливости второму наследнику.

Рантаир потемнел лицом, но смог взять себя в руки и спокойно посмотрел на Дара. Только потом он посмотрел на меня.

– Когда-то это должно было случиться. Лучше сейчас, пока не стало слишком поздно.

Тревожные и загадочные слова... Наверное, Рантаир почувствовал, как я напряжена, потому что прижал к себе и погладил по голове.

– Не волнуйся, все будет хорошо. Твой хранитель никому не позволит коснуться тебя. – Он поднялся с кресла и осторожно опустил меня на пол. – Ты моя, Ева. Ты сама дала мне это право. – Затем обычным тоном распорядился: – Ис Дар, проводите мою лианэ в каюту, чтобы она подготовилась к встрече.

Дар изумленно уставился на меня, поклонился и сказал, улыбаясь:

– Я рад, эльтарина Ева! Вы приняли правильное решение: наш эльтар сделает вас самой счастливой женщиной Рокшана.

– Спасибо, я тоже в этом уверена, ис Дар, – я обняла Ран-таира за талию и крепко к нему прижалась, – ведь у него это уже получилось.

– Я никогда не устану благодарить Аттойю за щедрый дар, что мне так неожиданно достался. Иди к себе, тебя пригласят после стыковки.

Глава 5

Когда к твоим услугам огромный гардероб, выбрать одежду еще сложнее – это известно любой женщине. Вот и я раздумывала: что же надеть на встречу с неким эльтаром Ронэром, после того как привела прическу в порядок. Я вплела в косу бисерные нити, и руки сами потянулись к прекрасному платью, которым я восхищалась в самом начале. К нему нашлись шикарные мягкие туфли на небольшой платформе из блестящей ткани, переливающейся золотым и зеленым.

Посмотрев на себя в зеркало, я подумала, что достойна даже принца. Гордо задрвав подбородок, решила больше не караулить под дверью в ожидании, когда за мной придут, и сама отправилась на мостик. Тем более что я не знала, где будет проходить торжественная встреча.

В центре управления разговор шел на повышенных тонах. Причем одним из собеседников был Рангаир – именно его голос звучал громче других. Я подошла ближе и смогла разобрать, о чем они говорят.

– Она моя, Ронэр, и я ее хранитель. Я думал, что в подобных случаях принято поздравить счастливец, сумевшего найти лианэ. А твое поведение, эльтар, говорит об обратном.

Что бы это могло значить? Другой голос звучал более напряженно, в нем звучали злоба и насмешка.

– Кто же эта бедняжка, которой так «повезло»? Мне интересно, эльтар, ты решил таким образом застолбить свое место второго наследника трона? Или наскучило оплачивать женщин, которые тебя кормят и оказывают интимные услуги? Я слышал, что за ту сумму, которую тебе приходится платить несчастным, можно купить целый корабль. Интересно, как часто ты позволяешь себе «маленькие радости»? Думаю, как только ты доставишь ее на Рокшан, она сбежит при первой же возможности. От тебя даже собственная мать отказалась! Мне жаль, но неужели ты правда думал, что хоть одна из них согласится стать твоей лианэ? Ты же монстр! Лучше предложить ей место на моем корабле, чтобы спасти от тебя, Рантаир. Как думаешь, долго она будет раздумывать над моим предложением?..

Прижавшись к панели, я слушала чужой голос, сочившийся ненавистью и злобой. Оказывается, Рантаир – второй наследник целой империи! Эта новость ошеломила меня.

Тем временем обстановка накалялась. Вновь заговорил Рантаир:

– Скажи, Ронэр, за что ты меня ненавидишь? Чем я заслужил столь глубокие родственные чувства? Может, где-то перешел тебе дорогу?.. А, понятно, новость заставила тебя нервничать. Полагаю, ты рассчитывал после моей скоропостижной смерти занять место второго наследника. И горькая утрата этой сомнительной перспективы слишком больно ударила по твоей гордости. Я прав, Ронэр? Но ты забываешь,

что мой брат, эльтар Дантаир кован Разу, прошел лианорию и его лианэ ждет первенца. Да, и не забудь о своем отце. Или ты рассчитываешь и его убрать с пути к трону?

– О чем ты говоришь, Рантаир? Ты не прав! У меня и в мыслях не было ничего подобного. Я верный подданный империи, а твои слова – это... Ты говоришь страшные вещи, эльтар. Если я сказал что-то оскорбительное, эльтар Рантаир, приношу свои извинения! – оправдывался он с едва прикрытой издевкой.

– А теперь послушай меня, Ронэр! Ты никогда не станешь императором, потому что ты неумен. Я прощал тебе многие безрассудные выходки, но теперь ты заигрался. Пора положить этому конец. Мне надоело слушать оскорбления, тем более что меня уже давно ждет моя лианэ. Я не собираюсь заставлять ее ожидать и далее.

– Ну-ну, эльтар, может быть, представишь меня ей? Или ты намерен прятать ее от всех? А может, ты удерживаешь женщину силой?

Я не выдержала и, разгладив несуществующие складки на платье, вплыла в комнату, ослепительно улыбаясь.

Рантаир сидел в кресле спиной ко мне и не заметил этого. Зато злобный мерзкий Ронэр и еще двое рокшан сразу меня увидели и по достоинству оценили блистательный торжественный выход.

Братец Ронэр оказался золотистым блондином, белокожим, стройным и высоким – он мог бы даже считаться сим-

патичным, если бы я не слышала их разговор и не знала теперь, какой он злобный и завистливый. Двое других светловолосых рокшан, по которым я едва скользнула взглядом, на меня вообще никакого впечатления не произвели. Обычные молодые рокшане, надеюсь, не прихлебатели. Дар, стоявший возле Рантаира, оглянулся и с тревогой посмотрел на меня.

Я кивнула ему и, зная, что рилы есть только у него и Рантаира, нарочито брезгливо спросила:

– Ис Дар, эта крикливая бесцветная моль и есть наш гость, ради которого мне пришлось переодеваться?

Дар потерял способность говорить, зато Рантаир был готов подать реплику:

– Скажи мне, Аттойя, что такое моль?

Я подошла к нему, оглянулась в поисках места и, недолго думая, уселась прямо к нему на колени, обняла за шею и ответила:

– Мелкое вредное насекомое, которое без спроса роется в чужих старых вещах и ест их.

Они с Даром захохотали так, что слезы на глазах выступили. Немного успокоившись, Рантаир спросил:

– И как много ты услышала?

Тревога в глазах моего мужчины разрывала мне сердце. Я погладила Рантаира по щеке и прошептала:

– Достаточно, чтобы мне захотелось его убить.

Он удивленно посмотрел на меня, но морщины у него на лбу понемногу разгладились. Затем он обратился к Ронэру:

– Итак, эльтар Ронэр эран Карсу, представляю вам мою лианэ – эльтарину Еву Полянскую, отныне кован Разу.

Я встала с колен второго наследника, выпрямилась, высоко подняла голову и холодно посмотрела на светловолосого недоброжелателя, приветствовав его лишь коротким кивком.

Тот, пристально разглядывая меня, резко поднялся с кресла и низко поклонился.

– Эльтарина Ева, позвольте узнать: вы находитесь здесь по доброй воле? Если вас принуждают силой, я тотчас заберу вас на свой корабль, где вы будете в полной безопасности.

Я начала закипать:

– Вы считаете, мой лин не в состоянии позаботиться о моей безопасности? – Я старательно, хоть и с трудом, выговаривала отдельные слова на языке рокшан, чтобы он понял меня.

– Вы не рокшанка, – удивился Ронэр.

Я посмотрела на Рангаира и, не заметив ничего подозрительного, ответила:

– Нет, эльтар Ронэр, я не рокшанка. Я с планеты Земля и отношусь к человеческой расе. Мой лин лучше расскажет вам, я пока только учу ваш язык.

– Эльтарина Ева, вы, наверное, не знаете, что представляет собой ваш лин. – Ронэр торжествующе посмотрел на Рангаира, а потом перевел взгляд на меня. – Он...

– Знаю, эльтар, – подняла руку, останавливая его. – О сво-

ем лине я знаю достаточно и еще больше надеюсь узнать в дальнейшем, при более тесном общении. Надеюсь, эльтар, вы меня понимаете?

Он побледнел, шагнул ко мне.

– Вы не знаете... Он причиняет женщинам только боль! Он не способен ничего дать такой красавице, как вы, но я... я могу предложить вам гораздо больше!

Он схватил меня за руку, пытаюсь приблизить свое лицо к моему. Я заорала от дикой, невыносимой боли, Рантаир схватил Ронэра за горло и швырнул на пол. Остальные ша-рахнулись в стороны, а я опять потеряла сознание.

Очнулась я на знакомом пьедестале с «бриллиантовой» крышкой. Как мне уже объяснили, этот замечательный аппарат называется «медитек» и способен в буквальном смысле вернуть с того света. Хорошее место для тех, кто так и притягивает травмы – вроде меня, например. Рядом сидел Ран-таир, за его спиной стояли Дар и Дир с бокалом воды. Почти дежавю.

Я подняла руку и увидела розоватую, блестящую, молодую кожу. Нахмурилась и села, опустив ноги.

– Скажи, Рантаир, все твои друзья будут хватать меня за руки? А то ведь в следующий раз рядом может не оказаться врача или медитека.

Но, взглянув на Рантаира, я прикусила язык. Его глаза опять были вишневого цвета, казалось, он внезапно постарел... лет на десять. Видимо, для него произошедшее стало

чудовищным стрессом, и я вдруг подумала, что ему сегодня было гораздо больнее, чем мне.

Я спрыгнула на пол, села к Рантаиру на колени и прижалась своей щекой к его:

– Прости меня, торвада, я не хотела тебя обидеть. Только знаешь что... теперь гостей я буду встречать, стоя у тебя за спиной. Или в крайнем случае – сидя у тебя на коленях.

Он так крепко прижал меня к себе, что я возмутилась:

– Эй-эй, осторожнее, задушишь!

Рантаир сразу ослабил хватку и начал медленно поглаживать меня по спине. Я тоже погладила его и, пока мы еще не увлеклись, решила все-таки выпить воды, а заодно поинтересоваться судьбой Ронэра:

– Я надеюсь, ты его не прибил, случайно?

– Нет, он еще жив, я думаю. – Вопросительно взглянул на Дара, тот кивнул, и Рантаир продолжил: – Но это ненадолго. Он посмел прикоснуться к чужой лианэ без разрешения ее лина и к тому же чуть не убил тебя. За это на Рокшане существует только одно наказание – смерть. Но ты лианэ второго наследника трона, – тут он слегка смутился: ага! стыдно стало за вранье! вернее, за то, что не сказал всей правды, – поэтому его лишат титула, семьи и отправят на рудники. Для любого аристократа это считается наказанием хуже, чем смерть.

Я изумленно смотрела на него и медленно качала головой.

– Но, Рантаир, он ведь не знал, что так будет!

Он напрягся и холодно ответил:

– Император и Совет уже знают о случившемся, как и его семья. Спутники Ронэра подтвердили, что вина полностью на нем. Я предупреждал, что он доиграется, но он всегда вел себя как избалованный мальчишка, которому все позволено. «Золотой мальчик» решил, что достоин быть императором. Подвел своего отца недостойным поведением, а ведь Ронэр из второй ветви наследников и единственный ребенок. Теперь его род может прерваться из-за его гордыни и глупости. Ему сорок один год, пора бы уже повзрослеть.

Я расстроилась, выслушав неприятные новости, и попыталась найти выход из положения.

– Ты хочешь сказать, твоя семья теперь знает обо мне?

Рантаир кивнул и словно через силу продолжил:

– Я давал тебе шанс уйти, но ты отказалась. С рождения я лишен нежности и ласки, лианэ. Вынужден разочаровать тебя, мягкость и всепрощение мне не свойственны. Теперь ты моя и принадлежишь только мне. И я никогда не отпущу тебя и никому не позволю забрать. Ты поняла?

Глядя на меня, он говорил так, будто зачитывал приговор суда, причем самому себе. Он думает, что я хочу отказаться от него? Надо срочно принимать меры, иначе он заморозит все вокруг!

Я взяла Рантаира за руку, коснулась его хмурого лица и послала ему волну тепла и любви. На некоторое время мы выпали из реальности, а потом я убедилась – глаза не врут.

Он привык, что красная пелена всегда скрывает их выражение, но не теперь. В его глазах были такая тоска и одиночество, что хотелось плакать – ведь они отражали и то, что чувствовала я.

Я взглянула на Дара, с потемневшим лицом застывшего рядом и молча смотревшего в переборку. На Дира, который тоже не знал, куда деваться, и судорожно пыталась придумать выход из положения.

И тут мне в голову пришла очередная авантюрная идея! Сначала я сама испугалась, а потом решилась. Будь что будет, но я сделаю все возможное, чтобы мой будущий брак не начинался со смерти другого человека... или не человека, неважно.

– Знаешь, Рангаир, мне надо поговорить с тобой наедине, но только в *моей* каюте. Ты не против? – Я ласково заглянула ему в глаза.

Он встал, и держа меня на руках, направился к двери. Пожалев расстроенных Дара и Дира, я незаметно подмигнула им.

В каюте, как только меня опустили на кровать, я бросилась к двери и заперла ее, помня о том, что сюда постоянно заходят без стука. Теперь пусть хоть обстучатся – не открою!

Потом я быстренько стянула с себя легинсы и, глубоко вздохнув для храбрости, плавной походкой вернулась в спальню. Рангаир хмуро глядел на меня.

– Я слушаю тебя!

Подошла и, встав на цыпочки, прильнула к нему, держась за плечи. Я, конечно, девственница, но смотрю фильмы и читаю романы, так что чисто теоретически подготовлена и в воображении проделывала это сто раз. Если не больше!

Подняла лицо и, облизнув губы, начала говорить, сопровождая каждое свое слово легким трением своего тела о его:

– Рантаир, я хочу попросить тебя об одном одолжении! – Капельки пота выступили на высоком лбу с приподнятой белой бровью. – Я согласна в любом случае, что бы ты ни решил, быть твоей лианэ. Я не смогу жить без тебя. Но также не смогу смириться с мыслью, что из-за меня может погибнуть целый род. Даже один человек – для меня слишком много. Понимаешь? Не хочу, чтобы наша семейная жизнь начиналась с чьей-то смерти. Я прошу тебя, придумай что-нибудь, чтобы этого не случилось. А? А я обещаю сделать что угодно, чтобы ты никогда не пожалел об этом решении. Я буду стараться всю свою жизнь – а она ведь короче, чем у тебя! – я не смогла удержаться и затронула очень беспокоивший меня вопрос.

Я распахнула кафтан Рантаира и начала его снимать. Мне показалось, что Рантаир забыл, как дышать, но он опять удивил меня:

– Лианория объединяет не только энергетическую систему, но и жизненный цикл. Ты проживешь столько же, сколько и я. Но если умрешь ты, умру и я. Потому что моя система будет полностью настроена на твою. Ты станешь моим серд-

цем, без тебя мое тело не сможет существовать.

Я потрясенно смотрела на него.

– И ваши мужчины добровольно идут на это?

– Без этого мужчины и женщины Рокшана чувствуют себя неполноценными. Наш дух стремится к единению и совершенству. И ты моя половинка, хочешь ты этого или нет! Как носитель старшей крови, я имею право не спрашивать твоего согласия, но я дал тебе шанс ответить отказом.

Я погладила его настороженное хмурое лицо, губы, потом сняла наконец с него эту дурацкую одежду. У Рангаира под ней оказались только штаны.

Высокий, стройный, безволосый, с белой кожей, которая бугрилась мышцами... Не перекачанный, но твердый как сталь – такие гнутся, но не ломаются. У меня от восторга даже дыхание перехватило.

Я легко касалась его груди и рук, потом спустилась ниже по животу и увидела достаточно большое и выпуклое подтверждение того, что ему по вкусу то, что я делаю, хотя он так и стоял, вытянув руки по швам. Да, у него просто железная выдержка!

Я подняла руки и, расстегнув платье, сняла его, оставшись в нижней тонкой рубашке. Опять поднявшись на цыпочки, прижалась своими губами к его губам. Оказалось, что я ошиблась насчет выдержки, потому что в следующую минуту пришла в себя, лежа на спине с раскинутыми в разные стороны ногами и пытаюсь вдохнуть – от тяжести мужского

тела нечем было дышать. Я закричала, когда он резко вошел в меня: боль была дикая, меня как будто порвали пополам. А в следующую минуту я уже кричала, умоляя его не прекращать двигаться.

И начала самозабвенно двигать бедрами навстречу, вцепившись в его спину, как дикая кошка. А потом почувствовала, как мое тело разлетается на мелкие, но очень счастливые кусочки. Он не останавливался, и я пережила еще целый каскад больших и маленьких взрывов. Когда мой мужчина дернулся и застонал, я поняла – сейчас взорвется и он. Рантаир содрогался и одновременно пытался откатиться от меня подальше, но, позволив ему повернуться на бок, я обняла его руками и ногами, и удовлетворенно затихла, уткнувшись в его мокрую от пота грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.